

Король-демон

12

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ
Виктор Ночкин

Виктор Ночкин

Предчувствие весны

Серия «Король-демон Ингви», книга 12

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7771091*

Аннотация

Зимой никто не воюет. Зимой ждут весны, чтобы начать войну, едва сойдут снега. Армия Белого Круга собирается на севере, чтобы выступить против эльфов, император Алекиан решил отправиться на запад и покарать беглых мятежников, в королевстве Гева на востоке принц Гезнур предоставил кров маршалу-некроманту из Могнака Забытого, но теперь старается избавиться от беспокойного гостя, который спешно пополняет армию мертвых... Собственные планы имеются и у Короля-под-Горой, и у северных морских разбойников, и, конечно, у короля-демона, который не собирается сидеть сложа руки накануне новых мировых потрясений.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	48
Глава 6	58
Глава 7	69
Глава 8	80
Глава 9	90
Глава 10	100
Глава 11	110
Глава 12	122
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Виктор Ночкин

Предчувствие весны

Часть 1

Зима

Глава 1

Альда

Зима – вечный миротворец. Холод и снег, заносящий дороги, делают невозможной войну. Во всяком случае – большую войну. По доброте Матери Гунгиллы, милосердной и неизменно терпеливой, природа напоминает драчливым детям Прекрасной о том, что существуют враги пострашней, чем обитатели соседнего замка, города или королевства. Враги эти – обжигающий мороз ветреного зимнего дня, ледяная темнота зимней ночи и гложущая нутро извечная зимняя тоска...

Но дети Гунгиллы не такие простаки, чтобы сражаться с непобедимыми противниками. Они не желают невозможного. Они ждут. Покорно мерзнут, коченеют, тоскуют и ждут. Весной откроется путь к соседнему замку, городу, королев-

ству – и непослушные гунгиллины дети сызнова начнут сводить счеты... А зимой – мир. Зимой никто не воет. Зимой ждут весны.

Зимой Ингви стало грустно. После приключений, поистине невероятных, после странствий в сказочные страны и после участия в местном варианте Армагеддона – он оказался заперт в холодных, продуваемых сквозняками, стенах Альхеллы. Зима в этом году выдалась мягкая – снег то покрывал мягким одеялом раскисшую грязь на дорогах, то снова таял, чтобы неделей позже снова укутать кочки и ухабы. Под обманчивым чистеньким снежком по-прежнему хлюпала грязь, зимний путь не желал устанавливаться.

В полях снег держался дольше, но селяне ворчали, что, если погода не изменится, влаги будет недостаточно и урожая следует ждать скудного... а если вдруг ударит мороз, то погубит озимые... и ничего с напастью не поделаешь, на все воля Прекрасной.

В королевском дворце было сыро и зябко. Обычно снег заносил дворец, ложился пухлыми подушками на карнизах, забивал щели и прорехи. Нынче же погода никак не желала угомониться, промозглый ветер проникал между отсыревших рам, отыскивал незаметные лазейки, бродил по полутемным альхелльским коридорам, шевелил древние гобелены на стенах, а вечерами играл с пламенем факелов, заставляя тени плясать по стенам и сводам.

Да дело-то вовсе не в погоде! Ингви чувствовал, что воз-

вратился в прошлое. Он увидел огромный Мир, принял участие в великих событиях, а в Альде все осталось по-прежнему, теперь ему казалось, что королевство, столица и дворец съежились, стали еще меньше, краски тусклее, а звуки – тише. Отчаянный осенний поход в Гонзор на самом деле был вовсе не так уж жестко продиктован политической необходимостью, в глубине души Ингви понимал, что вылазка была его попыткой вырваться из уютных затхлых объятий, вернуться в большой Мир...

Что ж, поход удался на славу – Мир вспомнил о короле-демоине. Но возвращаться пришлось снова сюда, в окраинное королевство, большая часть которого по-прежнему – леса и болота. Воистину, застывшее прошлое. Ингви отчетливо видел разницу между теми, кто сопровождал его в странствиях – и теми, кто оставался здесь, в Альде. Сэр Мертенк, к примеру, вовсе не изменился, и Джамен, и другие... Канцлер то и дело обращался к Ингви с какими-то мелочами, хотя прекрасно справлялся сам, да и не мог не предвидеть, какой ответ получит, Мертенку просто хотелось хоть с кем-то обсудить рутинную жизнь королевства. Скрипучее вращение громоздких колес государственной машины стало смыслом и содержанием жизни канцлера, и кроме короля, вряд ли кто-то мог разобраться в этом неуклюжем процессе. Ингви – мог, вот Мертенк и приставал с мелочными докладами. Чтобы пообщаться с понимающим человеком... вернее, с демоном – но главное, с понимающим! А Ингви было скучновато раз-

браться в мелких унылых делах.

С Джаменом также наметилась проблема. Он, как и все, кто дожидался возвращения короля в Альде, превратился в человека из прошлого. Внешне Ингви был с ним так же уважителен и внимателен, как прежде, однако место у трона, которое прежде по праву принадлежало Джамену, теперь занял Никлис. Ситуация усугублялась забавным обстоятельством – эти двое, Джамен и Никлис были внешне похожи. Они бы даже могли бы сойти за братьев, если, разумеется, Никлиса привести в порядок. Ингви как-то даже попытался выяснить, не захаживал ли отец Джамена на Северную сторону развлекаться с тамошними красотками. Выяснить ничего не удалось, к тому же Никлис не знал не то, что имени родителя – он и возраст-то свой помнил весьма приблизительно.

Джамен – неизменно аккуратный, внимательный, подтянутый, самый авторитетный из альхелльских слуг, к тому же потомственный слуга альдийской короны. Никлис – человек безродный, бывший разбойник, вечно неопрятный, умудряющийся выглядеть оборванцем даже в богатых нарядах из наследства неудачливого Кадор-Манонга, частенько навеселе... Однако пост начальника стражи достался Никлису. Разумеется, прислуга объясняла это назначение тем, что королю милей те, кто сопровождал его в странствиях. В конце концов, они в немалой степени попадали в точку, эти люди из прошлого. Те, кто явился с демоном на церемонию, затеянную сэром Токсом, были для короля людьми «из сегодня»,

остальные – обитателями вчерашнего дня. Они-то остались прежними, но король – изменился.

Разумеется, ни Джамен, ни кто-либо другой из коренных альдийцев не жаловался, но некоторое напряжение в их поведении все же ощущалось. Старый дворец альдийских королей, в еще большей степени пришелец из прошлого, чем любой из населяющих Альхеллу людей, хмуро взирал на демона. Ингви раздражали сквозняки, пятна сырости в галереях, копоть над каминами... Даже в кабинет, несмотря на все усилия прислуги, которой было велено законопатить щели, просачивались тоненькие сквознячки, хилые, сырые, неприятные.

* * *

Еще раздражала карта Мира на стене – снизу и справа к ней пришили чистые листы пергамента, но как Ингви ни старался, как ни черкал углем снова и снова по истертой поверхности, скудные сведения об очертаниях южных и восточных земель не складывались в непротиворечивую картину. Толком о дальних краях ничего известно не было... так, разрозненные обрывочные рассказы путешественников, чьи корабли бурей занесло Гангмар знает в какую даль, либо тех, кому посчастливилось удрать от морских разбойников, но сбиться с верного пути, или тех, кто заплутал в тумане... Невольные первопроходцы отчаянно врали, но даже то, что, каза-

лось бы, должно следовать из их рассказов наверняка, не совпадало с воспоминаниями других странников – да и с собственными представлениями Ингви о географии дальних земель, о Риодне, Римбане и прочих краях, память о которых теперь кажется сном, наваждением.

В последнее время Ингви очень интересовался неизведанными землями... Известные страны, обозначенные на карте, выглядели маленькими и уязвимыми в сравнении с пустыми пространствами, на которых неуверенные угольные штрихи метались так и этак, вкривь и вкось, разом меняя очертания огромных областей, то возводя, то сокрушая горные массивы, осушая озера и заново пролагая русла полноводных рек. Перед этими пергаменатами Ингви мог чувствовать себя богом-создателем... но что-то было не так.

Вот и сейчас – король остановился, разглядывая линию на истрепанном пергаменте, многократно затертую и прорисованную заново. Фон давно уже приобрел пепельный оттенок из-за постоянных исправлений, угольная пыль въелась в поверхность листа. Может, быть, если вот так... если тот энмарец ошибся на день и если... Ингви поднял руку, но... нет, не сложится.

– И что? – поинтересовалась Нноанна. – Снова не выходит? Я тебе давно говорила, брось. Эти купчишки врут напропалую, да вдобавок еще и сами верят в собственное вранье. Плюнь, забудь, зачем тебе это?

Ингви покосился на вампирессу – девушка взгромозди-

лась на широкий подоконник и удобно расположилась на выщербленной каменной плите, подобрав ноги. Наверняка, сквозь рамы дует, да и камень сырой. За спиной Ннаонны падали, кружась, влажные хлопья. Окно, и без того мутное, нынче и вовсе затянуло серым. Интересно, хотя бы этот снег ляжет до весны? Или снова растает? Никак погода в этом году не установится. Возможно, виной тому битва богов, всколыхнувшая Мир до основания. А может быть, и нет... кто знает! Кто вообще может это знать? Вряд ли сам Гангмар сумел бы дать объяснение нынешним капризам погоды...

– Слезь с подоконника, – велел Ингви, – простудишь.

– Что? – живо откликнулась вампиресса. – Что простужу?

– То место, – отрезал демон, – где у порядочных девушек находится попа.

– Ну, вот! – Ннаонна притворно надула губы, но послушалась, сползла с холодного камня. – А я кто?

– Ты принцесса. У принцесс не бывает попы.

– Много ты знаешь о принцессах...

– Это вопрос или утверждение?

– Это издевательское насмешливое замечание. Можно сказать, бунт против тирании.

Ингви флегматично пожал плечами.

– Ну, тебе виднее...

За окном пронесся порыв сырого ветра, мягкие серые хлопья быстрее закружились по ту сторону мутного стекла. Ннаонна поежилась и примирительно сказала:

– Вообще-то, в самом деле холодно.

– И камни сырые, – напомнил Ингви. – Зимой Альхелла становится довольно неудобным местечком.

– Зимой весь мир становится неудобным местечком! – буркнула вампиресса. – Потому что воевать нельзя. Когда же мы отправимся в поход? Не терпится разрушить Империю, и вообще... навести шороху, а то скучно становится. Ну когда же мы снова отправимся в поход... Наверное, только весной.

– Это издевательское насмешливое замечание – вопрос или утверждение?

– Молитва. Когда же, о, когда же, великий король, ты поведешь нас в последний бой? Ну, когда?

– Погоди, Ннаонна... скоро и без нас в Мире начнется такое, что содрогнутся моря и земли.

Ингви снова уставился на карту, словно прикидывал, какие именно пункты содрогнутся первыми. Потому и не заметил, как вампиресса готовится к прыжку.

– А-а-а-ага-а!

Девушка обрушилась на зазевавшегося короля, тот ухватил ее, они вместе рухнули на кровать и покатались, сминая потертое покрывало, цепляясь пряжками за потускневшее золотое шитье. Наконец Ингви оказался сверху.

– Ну как?.. – пропыхтела Ннаонна между поцелуями. – Мир содрогается?..

– Вполне.

Увлеченные потрясением Мира, Ингви с Ннаонной не услышали шагов в коридоре, и отвлек их только стук распахнутой двери.

– А! – весело заорал с порога Филлиноэртли. – Развлекайтесь! Это правильно! Чем еще заниматься в такую погоду! Мать по доброте своей нарочно сотворила вам мерзкую слякоть, чтоб не забывали ее, милосердную, славить...

Эльф поглядел на Ннаонну, которая не спешила запахивать блузу неизменного черного цвета, и закончил:

– ...Славить подходящим способом.

Ингви сел и, проследив, куда глядит эльф, покачал головой.

– Застегнись, что ли, На.

– Зачем? Я же принцесса. У принцесс не бывает того места, на которое усталился Филька.

– Простудишься.

– Я не усталился, – Филлиноэртли не отводил глаз. – Ннаонна, я тебе говорил, что ты похожа на эльфийку?

– Раз двадцать или тридцать, – вампиресса нарочито медленно запахнула одежду на груди. – Филька, а как вы там, в Давней Чащобе-то? Небось, в такую слякоть, в лесу совсем скверно?

– Не! – Эльф легкомысленно помотал головой. – Мать и

к нам благосклонна. Мы попросили у нее хорошей погоды в Креллионт, вот у нас и тепло. Стройные ели – будто отлитые из теплой бронзы колонны, на них покоится голубой свод неба. Ясная звонкая тишина, которую нарушают лишь песни моего народа... Это у вас тут грязь, слякоть, а в нашем краю...

– Попросили?! – Ингви в волнении вскочил с кровати. – У Матери?!!

– Ну да, как в старину, собрались, воззвали к Матери... Она добрая, она рада, что дети снова в Креллионте...

– Ннаонна, ты слышала? Ну, Филька... Ты что, совсем... не соображаешь? Вы там, в своей Чащобе, выпросили у Гунгиллы тепло, а у нас никак погода не установится! Я сижу в Альхелле, среди сквозняков, на улицах грязь непролазная, дороги развезло, я жду погоды, я ничего делать не могу... Вот и пускай после этого эльфов в порядочное королевство.

– Зато вы славите Прекрасную угодным ей способом, – напомнил князь.

Глава 2

Ванетиния

После встречи с королем-демоном в Гонзоре император совсем расхворался. Везли его величество медленно, чтобы не растрясти больного на раскисших ухабах. Алекиан все реже и реже приходил в сознание... В столицу его привезли бесчувственным. Толпа служанок и лакеев, созданных ее величеством Санеланой, потащили императора мыть, переодевать... затем уложили в согретую постель. Наутро Алекиан не пришел в себя. Потянулись серые осенние дни, император то пребывал в странном забытии, то бредил. Санелана проводила дни и ночи рядом с больным, кормила мужа бульонами, вливала в кривящийся рот целебные настойки. Доктора и маги-целители, за которыми ревниво присматривал придворный чародей Гиптис Изумруд, сменяли друг друга, каждый предлагал собственный диагноз и метод лечения, но снадобья не помогали. Алекиан не приходил в сознание.

По велению нового главы церкви по всей Империи служили молебны о здравии его величества, сам архиепископ на время недуга Алекиана взвалил на себя бремя управления страной. И то сказать – бремя существенно облегчилось по сравнению с прежним царствованием. Добрая половина Великой Империи людей отпала, вышла из подчинения короле. С другой стороны, непокорные провинции также стано-

вились проблемой.

Восток был потерян, и там правили гевцы. Герцоги Андруха и Дрига теперь на стороне Гюголана с Гезнуром, даже преданные вассалы – принцы Ленота и Болотного края – предпочли союз с Гевой. Марка Феллиост на южном берегу Золотой захвачены эльфами, граничащие с ней Приют, Нелла и Анновр с ужасом ждут нашествия и постоянно требуют военной помощи, не слишком-то их успокаивает присутствие церковных войск.

Фенада оказалась разорвана на части Грабедором и гевцами, а принц Малых гор лишился большей части владений. В его власти оставалась лишь узкая полоса предгорий, тогда как кланы «верхних» сталкивались с гномами... теперь его высочество умоляет о помощи, просит войско, чтобы вернуть утраченное и снова вколотить почтение к сеньору в упрямых горцев. Напрасные просьбы – сейчас ванетскому двору нет дела до его захолустья, Малые горы не так важны, чтобы заниматься сейчас ими.

Тила и Тогер приведены к покорности силой оружия, их верность зиждется исключительно на страхе, но Фенгим, тильский герцог, обосновался в Энмаре и подбивает тамошний Совет объявить империи войну... Остается лишь уповать, что правителям Великого города достанет мудрости не прислушиваться к воплям изгнанника.

Что остается? Сантлак. Буйные сантлакские дворяне не желают лишаться исконных вольностей, однако делают вид,

что смирились – поскольку приказы получают, хотя из имперской канцелярии, однако заверенные печатью их короля Метриена Первого... который содержится под стражей в подземелье Валлахала. Стража предотвратила уже два покушения на незадачливого сантлакца – его пытаются убить шпионы ренегата и изгнанника графа Ирса. Цель подлого изменника совершенно ясна – едва Метриена не станет, сантлакские рыцари снова изберут нового монарха – на турнире, как заведено в их диком краю. И уж новый-то король первым делом откажется подчиниться императору, потому стража императора бережет Метриена со всем тщанием.

В столице не осталось толковых полководцев. После того, как маршал ок-Икери обезумел, а сэр Валент Гранлотский покинул службу, у императора не стало военачальника, который был бы достаточно способным и притом обладал бы должным авторитетом. Отважных воинов и родовитых сеньоров на имперской службе сыщется немало, но хороших стратегов среди них нет... Возможно, среди молодежи, окружающей ныне престол, и прячется будущий герой... однако пока таковой себя ничем не проявил. Юным сподвижникам императора недостает славы и популярности, каковые можно заработать многими годами подвигов на ристалищах и полях сражений.

Безвестному дворянину ветераны турниров и батальи не станут подчиняться должным образом.

И вот – Алекиан лежит в жарко натопленной спальне, хри-

пит, мечется под периной, которой укутали больного по настоянию заботливой Санеланы... но не приходит в чувство. Именно сейчас, когда империя, окруженная врагами и изменниками, похожа на осажденную крепость... и крепость нуждается в коменданте.

* * *

Императрицу Санелану, задремавшую у ложа недужного супруга, разбудил осторожный стук. Накануне Алекиана напичкали снадобьями. Новый лекарь, доставленный с севера, уверял, что его микстуры состряпаны по тайным рецептам, которые удалось выкрасть у эльфийских целителей и сулил чудесное выздоровление его величества... поначалу Санелане показалось, что этот знахарь окажется прав – щеки мужа порозовели, дыхание стало ровнее... она даже молвила что-то милостивое лекарю. Гиптис Изумруд, вечно хмурый и настороженный, и тот не сказал ни единого плохого слова. Северянин, грубый мужлан в вонючем балахоне из оленьих шкур, перевитом заскорюзлыми ремешками, со слезой в голосе принялся клянчить обещанную награду, мол, его величество вот-вот воспрянет.

Санелана велела увести знахаря, который раздражал неуместным кудахтаньем, и накормить. Она напрасно ждала едва ли не до рассвета... напрасно. Император в самом деле выглядел получше, но в себя так и не пришел. Сна-

добья укрепили тело больного, но не смогли пробудить душу, блуждающую в потемках. Измученная Санелана отослал прислугу и прикорнула в кресле под теплой шалью. Ей показалось, что проспала она всего ничего, но когда стук заставил раскрыть глаза, зимнее холодное солнце уже всю светило в щель между тяжелыми багровыми шторами. Шторы она выбирала сама, присмотрела нарочно богатые, шитые золотом – чтобы не так бросалось в глаза, что в рамках не дорогое «гномье стекло», а обычное, толстое и мутное. Но сегодня солнечные лучи легко проникали сквозь мутные окна. Хорошая погода.

Снова постучали – негромко, но настойчиво. Ее величество заерзала в кресле, выпутываясь из шали, откашлялась и хрипловато молвила:

– Да... позволяем войти.

Дверь распахнулась, в проем вступил архиепископ. Держался прелат самоуверенно, хотя и старательно изображал смирение. Санелана давно заметила, что Мунт, пусть и побитый за время церковной карьеры, в душе остается все тем же грубым низкородным провинциалом, он так и не научился притворяться, как следует.

Глава Церкви вступил в императорскую опочивальню и сдвинулся в сторону, из-за его спины показался другой клирик, в простой одежде из грубой ткани. Смирение этого не было притворным, священник низкого ранга в самом деле робел в богатых палатах.

– Ваше императорское величество, – объявил архиепископ, – отец Когер, знаменитый проповедник, возвратился из странствия, и я немедленно велел ему явиться к ложу страждущего монарха. Полагаю, их следует оставить наедине, дабы сей клирик помолился в тишине об исцелении его императорского величества. Я не раз был свидетелем чудесам, свершенным молитвой святого мужа.

– Прошу прощения... – робко вставил Когер, – я никоим образом не могу поручиться, что слова его высокопреосвященства... чересчур благожелательного, ко мне, недостойному... окажутся...

Санелана подняла руку, и клирик испуганно умолк, подслеповато моргая – яркая полоса света, пробившегося между штор, легла на его лицо, но скромный священник не решался сделать лишнее движение, так и застыл в неловком поклоне.

– Пустое, святой отец, – сирым со сна голосом произнесла Санелана. – Разумеется, никто не вправе требовать гарантий в таком вопросе. Я присоединяю свою просьбу к желанию его высокопреосвященства, помолитесь о здравии императора Алекиана. Мой несчастный супруг рассказывал мне, как на поле битвы при звуках вашего голоса свершились чудеса.

– По милости Пресветлого, – еще ниже склонился проповедник, – по милости Его.

Императрица поднялась, набросила на плечи шаль и двинулась к выходу.

– Оставляю вас наедине с Алекианом, святой отец, – молвила она на ходу, – и вверяю императора вашей молитве.

Архиепископ покинул спальню следом за ее величеством и осторожно прикрыл тяжелые створки. Оставшись наедине с бесчувственным телом, клирик испуганно огляделся. Спальню Санелана обставила с такой роскошью, что Когер, хотя и привыкший к богатствам столицы, растерялся. Повсюду шитье, сверкающие складки шелка, изящные блестящие безделушки. Все светится, сверкает, переливается под лучами солнца.

Клирик тяжело вздохнул, озираясь, потом осторожно приблизился к ложу больного, опустился на колени и, уткнувшись лбом в сложенные руки, завел молитву.

– Гилфинг, отче, светлый, трижды пресветлый...

Слова текли и текли, привычные, знакомые, говоренные тысячи раз – и, наконец, священник обрел душевный подъем, голос его окреп, он снова, как уже случалось не раз, ощутил, как нечто неосязаемое, непонятное стекается к нему, струится в сердце, разливается, согревает, переполняет все существо, брызжет между губ со словами молитвы:

– ...Исцеления и доброго здравия императору великому, доброму отцу народа, верному сыну твоему...

– Где я? – отчетливо раздалось над ухом Когера.

Священник испуганно смолк, вжал голову в плечи... с силой уткнул лоб в сведенные кулаки... затем решился – медленно поднял глаза над судорожно сжатыми руками. Импе-

ратор Алекиан сидел в кровати. Он откинул одеяла, взгляд его величества был внимательным и ясным, а голос – твердым.

– Это Валлахал? Какое сегодня число?

– Да, ваше императорское... Десятый день декабря... Вы были больны, и...

– И ваша молитва возвратила меня к жизни, отче. Сам Гилфинг послал вас поддержать меня, поддержать империю в эти роковые времена. Вы снова спасаете меня, отец Когер.

– Прошу простить, но я всего лишь раб гилфингов, послушное орудие воли Его... Позвольте пригласить вашу супругу и его высокопреосвященство, они дожидаются за дверью...

* * *

Алекиан молча опустил ноги на пол, поднялся. С минуту стоял, покачиваясь долговязым тощим телом – будто привыкал к собственному весу. Потом медленно побрел мимо коленопреклоненного священника к окну. Вцепился в тяжелые шторы, комкая толстую ткань исхудавшими пальцами, и раздвинул. За окном лежала столица империи, и в зимнем пейзаже преобладали серые цвета. Посветлее – крыши, там снег едва потемнел из-за копоти, потемнее – истоптанные, заваленные отбросами переулки и дворы, черным выделяются площади и оживленные улицы. Даже небо, и оно здесь се-

рое, из сотен труб струятся дымки, возносятся, редая, и тают вышине. Печные дымы подпирают небеса. Кажется, если бы не сажа, которую несут они ввысь, серое небо пошло бы трещинами, осыпалось, обнажая девственно-голубую чистоту... Но здесь, в огромном городе, небеса не бывают голубыми.

Ванетиния живет, но она так и не смогла полностью оправиться после переворота и гражданской войны, бывшее великолепие не возвратилось в столицу. Город теперь как стекла в окнах дворца – вроде есть, да не то, не пышно, без привычной роскоши... Купцы, которые опустошили склады в недолгое царствование Велитиана и вывезли запасы в края, не затронутые междоусобицей, не спешили возвращаться. Энмарские караваны не пропустил альдийский король, северных товаров оказалось мало из-за нашествия эльфов, а восточные провинции были разорены в последнюю кампанию. Ванетиния выжила лишь благодаря контрибуции, выплаченной тильским герцогством. Тилу разорили до нитки – но столица империи не умирала с голоду в эту зиму. Догадывались ли горожане о том, что хлебом насущным обязаны лишь расчетливой жестокости молодого императора? Вряд ли.

Алекиан покачнулся, переступил босыми ногами и крепче вцепился в шторы.

– Десятый день декабря, – повторил он. – Зима. Все уже занесло снегом... Я долго болел.

– Да, ваше императорское величество, – решился вставить

священник.

– Я бредил, моя душа скиталась вдали от тела, – размеренно и тихо продолжал Алекиан, он вряд ли расслышал слова Когера, – я помню странные места, помню красное небо и синие деревья... Чужие, необычные. Мои сны были больны... но я вернулся в явь – она больна не менее. Жесткое время, кровавое время. Я с детства готовился занять престол, но не думал, что мне выпадет нести корону над реками крови, отправлять осужденных на плаху и посылать воинов на смерть в сражениях... Жестокое время. Я болен этим временем, отче. Или, может, это время больно мною? Зачем Гилфинг укрепил меня, зачем меня пробудила ваша молитва, отец Когер?

– Ваше величество, – проямлил клирик, – позвольте мне позвать ее величество?..

– Да, разумеется, – не оборачиваясь, задумчиво молвил Алекиан, – ты не знаешь ответа... что ты можешь знать, маленький человек... Пресветлый вещает через тебя, но не вкладывает мыслей в твою убогую голову...

Император говорил, не обращаясь к священнику, но тот предпочел понять произнесенное Алекианом «да, разумеется» как дозволение пригласить Санелану. Он в самом деле не понимал, почему по его слову свершаются дивные чудеса, почему воспламененные его словами солдаты устремляются в бой, позабыв страх. Когер давно перестал удивляться и давно оставил попытки дать объяснение собственному дару.

Миновали времена, когда он, окрыленный вдруг проявившимися способностями, самонадеянно проповедовал самому императору Элевзилю и архиепископу Кениамерку, пытался выстроить собственные теории.

Гилфингова милость, коей был облечен Когер, обернулась тяжелым испытанием. Священник со смирением принял ношу и более не делал попыток отыскать объяснение. Он не жаждал ответов, но покорно исполнял то, к чему его предназначил Пресветлый. Алекиан же лишь недавно ощутил тяжелую руку божества. Он желал понять.

Когер торопливо поднялся с колен и поспешно, будто опасаясь, что Алекиан передумает, затрусил к двери. Император повернул голову и проводил клирика печальным взглядом.

– Ваше императорское величество! Ваше высокопреосвященство! – раздался снаружи взволнованный голос Когера. – Его величество изволили оставить ложе...

Испуганно вскрикнула Санелана.

Глава 3

Гева

Короля Гезнура зима застала в дороге. Невзирая на осеннюю распутицу, гевец объезжал страну, особенно часто его внимания удостоивались земли на северном берегу Золотой. Миновали веселые денечки, когда захватчики преспокойно грабили южные графства Фенады, не встречая отпора. Гратидиан сумел сговориться с Королем-под-Горой, и ему были оставлены довольно обширные владения. Формально Фенада осталась независимым королевством, на деле – полностью зависела от милости Грабедора.

Фенадец поспешно навел некое подобие порядка, поспешно наобещал милость тем заговорщикам, кто не успел запятнать себя слишком уж явно. Гратидиан простил бы всех, исключая Альгейнта из Говарха и парочку столь же закоренелых предателей – однако не решался позволить себе такую снисходительность. Дворяне Фенады, те, что не приняли участия в бунте, теперь спешили к королю с доносами, и не удовлетворить жалобщиков Гратидиан не мог. Король был вынужден дорожить дворянами, не дравшимися против него летом, и неважно, уклонились они от участия в заговоре из преданности короне или по лености духа. А верные вассалы подавали все новые доносы, претендуя на часть конфискованного у предателей имущества и земель. У них на-

готовые были доказательства, свидетели... и жажда наград. И добрый король неохотно казнил, конфисковал, раздавал лены бунтовщиков верным доносчикам.

Так или иначе, за Гратидианом сохранились центральные области Фенады, вокруг него сплотилось некоторое количество дворян. Границу удалось отстоять при помощи гномов, выделенных Грабедором, а затем на восток явился Алекиан, и гевцам стало не до Фенады – тут-то Гратидиан получил передышку. Не запятой он себя предательским сговором с нелюдями, можно было бы попытаться просить императора о поддержке... но, увы, теперь фенадец оказался предоставлен сам себе.

Отчаяние придало энергии несчастному королю – Гратидиан сумел укрепить границу на юге. Неуемные гевцы, едва отступили имперские войска, снова бросились на север... однако прежних сил у них не было, теперь наглецам пришлось перейти к обороне, так как фенадцы сами были настроены отбить утерянный берег Золотой реки. Спасло Геву следующее обстоятельство: Грабедор запретил военачальникам, присланным в помощь королю Фенады, наступательные операции. Политика! Грабедор рассчитывал, что, пока Гева сильна, империи не до гномов. Так что на севере воцарился хрупкий мир. Гезнур носился по замкам и укрепленным городам, размещал отряды наемников, участвовал в предварительных переговорах с эмиссарами Короля-под-Горой, принимал оммаж у дворянчиков, испомещенных на вновь заво-

еванных землях. Эти были совершенно счастливы – лены и доходы будто свалились на них с неба. Младшие сыновья, мелкопоместные и захудалые, родом из Гевы, Андруха, Дрига – получили богатые феоды на границе и вцепились в них, впились зубами. Теперь эти земли трудненько будет отобрать у Гевы, а новые ленники истово клянутся в верности белому дракону. И точно – в их преданности можно быть уверенным, ибо никто не даст голодранцам большего, чем они имеют сейчас по милости гевской короны. Но и поездить Гезнур довелось изрядно, прежде чем он решился оставить без личного присмотра вновь захваченные территории.

Во время этих путешествий король дважды не на шутку простужался, был серьезно ранен, когда угодил в засаду, устроенную фенадцами – и оставался в седле лишь благодаря неустанной заботе колдуна Лопсила, поддерживавшего сеньора целительной магией. Коротышка маг совершенно обессилел, ему-то приходилось непрерывно творить заклинания над Гезнуром, при том, что он также участвовал в стычках и изнурительных разъездах – в дождь, в снег, по дорогам, обращенным осенней непогодой в болота...

В конце концов Гезнур почувствовал, что еще немного – и он сляжет окончательно, так что почел за лучшее удалиться в свой замок Акенр. Отдохнуть. Разумеется, расслабиться младшему королю не удалось, в замке скопилась многочисленная корреспонденция, затем туда нагрянули послы и жаждающие аудиенции дворяне... Королевство нуждалось в

нем – и Гезнур не сложил с себя многочисленные заботы. Зато Лопсиль расхворался не на шутку, и со слезами умолял дать ему отдых.

– Ладно, – позволил король, – мы задержимся в Акенре ненадолго. Приходи в себя, но через неделю ты мне снова понадобишься. Я собираюсь нанести визит в Вейтрель, уж там-то мне потребуется твое присутствие. Никто, кроме тебя, не сможет объяснить, чем занимаются богохульники из Могнака Забытого. Быть может, я захочу заняться тем же.

* * *

Некромант хмуро оглядел толпу крестьян. Под тяжелым взглядом чародея убогие оборванцы ежились, опускали глаза, прекращали сморкаться и притопывать. Только пар из ртов поднимается. Холодно нынче, это хорошо.

Эти, живущие поблизости от Вейтреля, достались брату маршалу в придачу к замку. Боятся... Правильно, пусть боятся – может, меньше воровать станут. Некромант прикинул – народишко здесь худосочный, мелкий, из таких солдаты не выйдут. Ни живые солдаты, ни мертвые. Гораздо больше пользы заморыши принесут в качестве работников. Объяснить им, чтобы не тряслись? Пожалуй, много чести, пусть трясутся. Их нынче согнали во двор Вейтреля, но пока что не объясняли зачем.

Маршал сделал еще один шаг к неровной шеренге кре-

стьян. Снова повел глазами вдоль строя оборванцев. В заднем ряду кто-то упал. С перепугу потерял сознание, должно быть. Ничего.

– Мне нужен ледник, – медленно проговорил некромант, наблюдая, как обморочного слабака поднимают и ставят на ноги. В себя бедняга не пришел, его поддерживают под руки. – Большой ледник. Часть из вас займется рытьем погребов, в замке недостаточно вместительное подземелье. Вы его углубите. Другие отправятся на реку, потребуется лед. Мои люди выдадут инструменты и, если нужно, помогут магическими заклинаниями.

Закончив эту, чересчур длинную для него, тираду, мистик развернулся и зашагал прочь. Позади раздалась короткая команда, загремело железо, подручные магики делили крестьян на рабочие команды и выдавали инструмент.

Протискиваясь в слишком узкую для могучего торса дверь, маршал снова подумал, что не мешало бы все здесь переделать... но руки дойдут еще не скоро, есть немало забот, куда более важных. А узкая дверь – что? Даже хорошо, обороноспособность повышается. Узкую дверь легче отстоять при штурме.

Мистик миновал полутемный зал, мальчишка ученик, приставленный поддерживать огонь в камине, вскочил и поклонился. Маршал кивнул в ответ и прошествовал к дальнему концу помещения. Оттуда на второй этаж вела лестница, тоже узкая. Все в Вейтреле такое – узкое, ненадежное, про-

гнившее, скрипучее. В Могнаке было иначе, под видом хрупкой древности таилась надежная основа. Строили на века...

На втором этаже жилого здания тихо и пусто, здесь некроманту не требовалось стеречь собственные покои, поскольку не было завистливых подозрительных братьев по Черному Кругу. И Черного Круга больше нет. Маршал привычно проверил охранные заклинания: нет, его покоев никто не потревожил. Сбросив подбитый дорогим мехом зимний плащ (подарок Гезнура, настолько заботлив оказался этот король-прохвост) и мохнатую шапку, мистик сел к столу, придвинул укутанный шелком толленорн и принялся разворачивать пелены. Они с архивариусом установили точный распорядок и общались ежедневно.

Заклинания пробудили дремлющую в приборе магию, окошко засветилось, проступило лицо архивариуса.

– Итак, брат мой, каковы новости?

– Новостей никаких, – просипел дряхлый мистик, – и это лучшая из новостей. X-хех... Что у тебя, брат?

– Я расширяю подвалы Вейтреля, собираюсь увеличить армию.

– Вейтреля? Ах да, эта крепость в захолустье... Значит, расширяешь подвал... Стало быть, возвратиться в Могнак не собираешься?

– Это невозможно, брат-архивариус, – маршал устало потер переносицу. Вопрос о возвращении вставал ежедневно, упрямый брат не желал понять, насколько важно присут-

ствие маршала здесь, на землях рушащейся империи. – Если я оставлю Геву, она не устоит. Империя раздавит здешних правителей, прежнее единство будет восстановлено. И тогда рано или поздно ванетские правители доберутся до Могнака.

– Могнак далеко от Ванета, – просипел чародей в окошке магического прибора. – Они не доберутся...

– Не будем рисковать. Могнак перестал быть для Мира легендой, нас нашли, и следует позаботиться о безопасности. Поэтому я буду верен гевскому союзнику столь долго, сколько потребуется. Постараюсь увеличить войско. И, когда придет время, приступлю к разрушению Мира отсюда, из замка Вейтрель. Меньше времени уйдет на дорогу.

– Ты что?! – захрипел собеседник. – Все еще лелеешь глупые надежды? Какое разрушение Мира? Могнаку не по силам разрушить ничего! Ты слышишь? Ни-че-го!

Архивариус сипел и надрывался, от натуги брызгал слюной, окошко его толленорна покрылось капельками.

– Нам нужно выжить! Выжить! Хватит, ты помог этому захудалому королишке, спас его от гнева императора, возвращайся! Возвращайся, брат!

– Нет, – маршал постарался, чтобы его ответ прозвучал как можно более умиротворяюще, слишком уж разошелся собеседник, – это невозможно.

– Ах, так? В таком случае, я забуду о тебе! Я учреждаю новый Черный Круг, и сам возглавлю его. Я назначу мистиков, подготовлю другого маршала, разыщу все нужные заклина-

ния в архиве, мы сами станем делать неупокоенных солдат, мы...

– Брат, – спокойно произнес маршал, – я не стану с тобой спорить теперь. Завтра, когда ты остынешь, поговорим спокойно.

И положил ладони на толленорн, разрывая связь.

Он прекрасно понимал архивариуса, тот попросту боялся. Сиплый старик был довольно слабым магом и решил, что если дать собственным ученикам высокие титулы, они разделят ответственность и... и что? Да, архивариус просто боится, он никогда не был подлинным мистиком, лишь притворялся, что разделяет идеи Черного Круга. Он не собирался уничтожить Мир, хотел всего лишь свить теплое гнездышко в Могнаке Забытом, под крылом более способных братьев... а, оставшись один, потерял голову. Ничего, теперь это не имеет смысла. Маршал уже здесь, среди владений людей. Все, что ему нужно – немного времени на подготовку. Вся зима – в его распоряжении.

* * *

Зимой «Очень старый солдат» становился местом встреч старинных друзей. На время распутицы и холодов, когда прекращались боевые действия, сеньоры и владетельные вельможи распускали войска, солдаты удачи возвращались в Ренприст. Зимой они могли в тепле за кружкой пива обсуж-

дать минувшую кампанию, высмеивать незадачливых нанимателей и поминать павших друзей. Зимой им не было нужды убивать друг друга.

Иногда зимой под сводами гигантского сооружения собралось больше двух тысяч человек, теперь же... Мастер Энгер с тоской заглядывал в большой зал «Очень старого солдата». Хотя зима была в разгаре, там едва ли набиралось шесть сотен солдат. Да и кто эти воины! Ветеранов почти нет, нынешние постояльцы – новички, только собирающиеся стать солдатами. Разорившиеся крестьяне, скрывающиеся от правосудия преступники, проторговавшиеся купцы... армия наемных солдат всегда пополнялась такими, но новички непременно оказывались в меньшинстве и им волей-неволей приходилось подстраиваться под привычки опытных бойцов, перенимать обычаи и усваивать традиции. А теперь? Сколько отличных парней сгинуло в этом году... оставшиеся нашли службу даже зимой. Сейчас многим требуются наемники из Ренприста, холода и распутица не стали помехой для боевых действий. Госпожа война правит нынче Миром. Зато под сводом «Очень старого солдата» – едва ли не одни новички. Некому обучить их манерам. Не далее, как три дня назад, мастеру Энгеру довелось изгнать из заведения шайку оборванцев. Управляющий счел, что эти вороватые грубияны недостойны называться солдатами из Ренприста, подобные подопечные могли скомпрометировать братство «Очень старого солдата». К тому же нахальные мерзавцы отказались

подчиниться прислуге и обратиться по-хорошему. Это уже было настоящим святотатством – непочтение к клиру храма войны. Пришлось обратиться за помощью к Ролоху Белому, старшему из здешних чародеев. Старик обрюзг, стал тяжел на подъем и больше не ходил в найм, однако был по-прежнему достаточно силен, чтобы вколотить толику почтения к здешним порядкам в пришлых.

Энгер тяжело вздохнул. Он чувствовал себя епископом, в епархии которого завелась опасная ересь. Как ни прискорбно, братству с его обычаями приходит конец. Война, породившая некогда институт наемничества и давшая жизнь сообществу «Очень старого солдата», теперь губит его. Война сжирает сама себя, жиреет и дичает. Война утрачивает память и разум, превращается в безумного зверя, убивающего не ради пропитания, а из кровожадной потребности... Куда катится Мир!

Хлопнула дверь, потянуло холодом. На пороге, отряхивая снег с плаща, стоял клиент. Мелкий дворянчик, наверняка. Сеньор из захолустья – прежде таким не приходилось нанимать солдат в Ренпристе, справлялись сами... да и денег у них не бывало.

Покончив с плащом, господин стал озираться. Эх, не только солдаты теперь не те, что прежде – клиент тоже измельчал. Мастер Энгер поспешно стер с губ презрительную гримасу и, стараясь выдержать деловой тон, привстал, опираясь на костыль.

– Могу ли я чем-то помочь, мой господин? Вы намереваетесь нанять людей для опасной работы, не так ли?

– Э... мастер Энгер?... – приезжий рыцарь, по крайней мере, знает имя управляющего, это добрый знак. Быть может, не все еще потеряно в этом Мире. – Прошу, не вставляйте. Да, я собираюсь нанять отряд.

Жизнь продолжается.

Глава 4

Альда

– Ну вот что, граф Дальней Чащобы, – Ингви нахмурился. – Я не шучу.

Упоминание человеческого титула должно было напомнить эльфу о формальной стороне их с королем отношений.

– Ну, ладно... – Филька старательно притворился, что смущен. У него даже почти получилось. – Мы ведь не знаем наверняка, что это из-за нас... Мало ли, какая погода случается. Да и что такого? Подумаешь, теплая зима. Ты и сам с дождями всякие номера откалывал, помнишь? Когда покойный Элевзиль с армией сюда нагрязнул.

– Ты не сравнивай, – буркнул демон. – Я здесь король и имею право вытворять, что захочу. А сейчас мне нужна зима. Крестьянам нужен снег на полях, купцам нужны дороги. Кендагу в его крепость дрова подвезти не можем.

Крепость в Ничейных Полях в самом деле нуждалась в топливе. Орки, привыкшие зимовать в теплых недрах Короны Гангмара, не позаботились о запасах своевременно. Не потому, что были ленивы или безалаберны, просто с непривычки: никто не догадался. Спешно собранные обозы с углем и дровами пробивались по бездорожью с огромным трудом.

– Купцы жалуются, – вставила Ннаонна. – Никлис расска-

зывает, что энмарцам взбрело в голову, будто Ингви нарочно погоду испортил, чтоб они в Альде застряли и были вынуждены здесь торговать, а у нас настоящей цены им не дают.

– А, – Филька несколько воспрянул духом. – Так это же хорошо! Королевству выгода, верно ведь? Коммерция процветает, цены падают.

– Мне их жалобы не нужны, – возразил Ингви. – Не столько-то и выгоды от их торговли, сколько потом будет вони.

– Да ну, купчишки... их еще бояться...

– Филлиноэртли! – Ингви повысил голос. – Это мое дело, что делать с купчишками. Твое же дело – прекратить непогоду. Или я еще уговаривать должен? Тебе король приказал – исполняй!

– Ладно... Я, вообще-то, как лучше хотел... Да! Я же чего приехал-то? В гости вас хочу позвать! У Геллонналя и Неселлы родилась дочь! Первый эльф, увидевший свет в Креллионте, ха! Приезжайте, будет праздник!

– Приедешь к вам... дороги-то развезло. Ты-то как добрался?

– Я-то... Мне дороги не нужны. А вы погодите денька три после моего отъезда – наверное хватит, чтобы холода начались. А что? Даже лучше, у нас снег выпадет, в снежки поиграем, фигуры вылепим. Приезжайте.

– Съездим, пожалуй? – Ингви покосился на Ннаонну. Девушка сморщила нос.

– Ага, поглядим на эльфенка.

– Чем погоду портить, – заключил Ингви, – попросили бы себе у Матери немного серьезности. Ребенка воспитывать – большая ответственность, и труд немалый. Эти твои Геллональ с Неселлой пробирались сюда, когда Неселла была беременна. Ненормальные! Разве можно таким легкомысленным доверять воспитание?

– Вот Ингви, к примеру, меня воспитал, – заявила Ннаонна. – Видишь, как хорошо получилось? Я такая благонравная и воспитанная! Ты слушай его, слушай! Ингви знает, что говорит. О, Ингви! А давай Энмару войну объявим. Ну, раз их купцы все равно тебя ругали, хотя виноваты эльфы.

– А зачем же войну-то? – Ингви был в самом деле удивлен.

– Ну, так... Развлечемся. А по дороге в Креллионт заедем, эльфеныша глядеть. И потом, все равно, война с Энмаром – дело, считай, решенное. Чуть раньше, или чуть позже...

– Ннаонна, хватит шутить, а? Филлиноэртли, закрой-ка дверь. – Эльф послушно зашел в кабинет и прикрыл дверь. – На, послушай меня, здесь королевский дворец. Все, что говорят вслух в этих стенах, может стать известным... где угодно может стать известным. Вот сейчас кто-то из наших олухов побежит на постоянный двор к энмарцам и заявит: «Принцесса Ннаонна советует нашему королю воевать с Энмаром. Дайте денег». Очень даже запросто.

– Гангмар бы взял этот дворец... – буркнула вампиресса. – И слова здесь не скажи! Надоело! По-моему, давно пора куда-нибудь отправиться и затеять приключения, так, что-

бы все кругом ходуном ходило. Тогда можно будет говорить, что хочешь. А то когда еще я потрясения Мира дождусь... А с Энмаром все равно придется что-то решать. Они тебе не простят, что купцов летом в Гонзор не пустил.

– Здесь ты права...

Ингви задумался. В легкомысленных, на первый взгляд, словах девушки был смысл. Энмарские купцы неизменно стояли за свободу перемещения и добивались этой привилегии, не брезгуя любыми средствами. Если пока что они проявляют миролюбие и покладисто исполняют его указы, то лишь потому, что не имели времени что-либо предпринять. К тому же в последнее время им сильно досаждали морские разбойники, и Совет негоциантов был озабочен созданием коалиции городов побережья... однако зимой навигация прекращалась, так что теперь Энмарский Совет имеет достаточно свободного времени, чтобы подсчитать убытки от недавних решений альдийского короля. Об этом стоит задуматься.

* * *

То, как насторожился Ингви после слов вампирессы, не укрылось от наблюдательного эльфа. За ужином он напомнил:

– Так что будем делать с Энмаром? Ну, Ингви, я же видел, у тебя что-то на уме? Выкладывай, чем будем развлекаться

в будущем году?

Ужинали без прислуги, в узком кругу, так что можно было говорить откровенно. Кроме эльфа за столом нынче оказались Никлис и Кари Счастличик. Последний, разумеется, не принадлежал к числу верных друзей, однако король держал его на коротком поводке, и бывший мятежник вел себя неизменно осмотрительно. Обычно на подобных застольях присутствовали Вентис, Мертенк, Валент и Кендаг и – реже, чем перечисленные – еще кое-кто из приближенных Ингви, но по разным причинам они нынче отсутствовали. В основном причины были так или иначе связаны с непогодой. У Кендага хватало забот в новой крепости, Вентиса с учениками король отрядил ему в помощь. Магическая поддержка могла оказаться существенной – к примеру, человеческие целительные заклинания на орков более или менее действовали. Валент с Мертенком пропадали в собственных владениях и, вероятно, не могли выбраться из-за распутицы.

– Решения относительно Энмара не созрело, – сознался демон, – однако сомнений хоть отбавляй. После того, как я запретил энмарцам торговать с империей, они наверняка стали точить на меня зуб. Это Ннаонна верно подметила.

– Однако они ничего не предприняли, – заметил эльф.

– Вот как раз это и настораживает, – вставил Карикан. – Чем меньше они сделали, тем больше собираются сделать.

– Но, с другой стороны, я не хочу торопить события, – подытожил Ингви. – Все-таки остается надежда, что возму-

щение уляжется само собой. Я дам энмарцам безопасный проезд по Ничейным Полям и горам Туманов, устрою места ночевок... возможно, даже постоянные дворы на расстоянии перехода... займусь этим, едва установится погода.

Произнося последнюю фразу, король бросил очень внимательный взгляд на графа Давней Чащобы. Тот снова сделал вид, что смущен. И снова – почти успешно.

– Энмарцы не прощают обид... но могут сделать вид, что обиды не было, – заметил Кари, – особенно, если дать им понять, что отказ от торговли с Ванетом в пользу Гевы соответствует их политическим выгодам. Можно отправить посольство к их Совету, попытаться втолковать...

– И поставить тебя во главе посольства, разумеется.

Ингви ухмыльнулся. Карикан пожал плечами:

– Послом должен быть человек тертый, опытный и знающий, с какой стороны подходить к разъяренному дракону.

– Теоретически это знают все, – Ингви улыбнулся еще шире.

– А у меня имеется практический опыт подобных переговоров. Нужен только правильный подход. Энмарцы сейчас будут не такими уж несговорчивыми, особенно в свете последних событий, – перехватив недоуменные взгляды собеседников, Счастливчик пояснил. – Я имею в виду, что Энмар потерпел ряд неудач этим летом. Во-первых, события в Альде, во-вторых, северянам удалось потопить бирему в морском сражении у Верна, в третьих – переход Ливды под руку

его императорского величества. Ливда – второй по величине город на западном побережье, энмарцы возлагали на нее определенные надежды, планируя свой союз торговых городов. Без Ливды идея теряет смысл.

Карикан умолк и принялся за жаркое.

– Да, верно... – кивнул Ингви. – Ливда – большой успех Империи. Едва ли не единственный успех. Там была какая-то история... древний эльф, который в одиночку вырезал ливдинский совет... мутная история. Похоже, имперские агенты сработали довольно тонко, свалив вину на эльфа. С одной стороны, виноваты нелюди, с другой – город переходит под власть императора. Очень ловко.

– Ты не веришь в эльфа? – осведомилась Ннаонна.

– Я не люблю, когда во всем винят нелюдей, – Ингви отсалютовал вампирессе кубком, – из расовой солидарности, если хочешь. Мы, нелюди, должны стоять друг за друга. В любом случае, Империя терпит поражения на востоке, зато торжествует на западе. Энмар не может не насторожиться. Собственно говоря, на западе лишь мы открыто противостоям империи – Энмар и Альда. Сейчас плохое время, чтобы ссориться со мной, Совет негоциантов должен быть заинтересован в равновесии.

– Зато, с позволения вашего величества, – ставил Кари, – это время может оказаться подходящим, чтобы сменить альдийского короля на послушную марионетку. То, что Энмар не может действовать открыто, не означает, что он не станет

действовать вовсе.

– Никлис, ты слышал? Охраняй мою особу с удвоенной бдительностью!

– А? – Никлис отвлекся от вина. – Охранять, это мы, слышь-ка, завсегда. Грудью заслоним.

– Тогда я спокоен. Что ж, подождем развития событий, и предпримем кое-какие шаги по умиротворению Энмара... И, быть может, Энмару станет не до меня.

– Да! – подхватила Ннаонна. – Мир же вот-вот содрогнется... хотя он, по-моему, в нынешнем году этим занимается постоянно. И никто не замечает.

* * *

Карикан лениво потянулся к блюду с пирожками. Его рука застыла на мгновение, потом граф выбрал. Ингви посмотрел на Счастливого и встретился с внимательным острым взглядом. Кари был заинтересован.

– Скажите, ваше величество, – притворно небрежным тоном протянул он, – а что это за разговоры о сотрясении Мира? Я уже не первый раз слышу... похоже, все, кроме меня, знают, о чем идет речь.

– Верней сказать, никто не знает, о чем идет речь. Включая тех, кто о сотрясении Мира говорит больше всех.

Ннаонна фыркнула.

– Да-да, – Ингви улыбнулся девушке, затем обернулся к

графу, – у меня зреют некие, пока что расплывчатые, соображения. Видите ли, в мире, откуда я родом, в древности произошло так называемое Великое Переселение Народов, в результате которого рухнула величайшая империя. Наши мудрецы, насколько мне известно, так и не смогли дать объяснения, что же толкнуло несметные полчища варваров отправиться в поход через половину мира, в совершенно чужие им земли. Да... поход в неизвестность.

– Но ваше величество, – подхватил, улыбаясь, бывший мятежник, – разумеется, знает ответ!

– Льстишь, – констатировал Ингви. – Однако вернемся в этот Мир. Я ведь рассказывал о том, что Гилфинг Светлый задумал погубить вашу землю, а Гангмар с Гунгиллой, объединившись, дали ему бой и изгнали за пределы Мира.

– Да, очень любопытная история... – кивнул Карикан. – Больше всего она мне понравилась тем, что полностью противоречит поповским проповедям. И как этот катаклизм связан с переселением народов в мире демонов и с сотрясением нашего Мира?

– Я объясню. Гангмар предвидел грядущую схватку и приручил дикие племена, дал магию их волхвам да шаманам. Он являлся варварам в разных обликах и под разными именами, наделял маной... Ты ведь знаешь, что такое мана?.. Хотя, что я! Ты, разумеется, знаком с азами. Так вот, длился этот балаган веками. Племена, населяющие окраины известного Мира, отказались от прежних религий... ну, еще бы,

божество являлось им во плоти, вполне реальное божество! Теперь битва окончена, Гилфинг побежден и изгнан, дикари Гангмару стали не нужны. Кари, ты следишь за моей мыслью?

– Да, весьма любопытно.

– Гангмар, в сущности, непоседа. Он теперь и к оркам реже является в Черную Скалу, не то, что раньше. Ну а божественные обязанности по отношению к дикарям Черный, конечно, забросил, едва отпала надобность в шаманах. Даже облик теперь сменил, не похож на того, каким являлся, чтобы посохи их колдунишкам зарядить. Дикари не узнают своего кумира.

– Э... да.

– Не веришь в мои похождения? – Ингви улыбнулся. – Я не настаиваю.

– Ну, почему же... – Счастливчик сморщил лоб. Пирожок он так и не надкусил, по-прежнему держал в руке. – Но это звучит... как-то... слишком...

– Слишком странно?

– Нет, слишком буднично. Такие громадные невероятные события, и их участник, даже весьма важный участник, сидит за столом... Мы пьем вино и... – Кари вспомнил о зажатой в руке снеди и принялся задумчиво жевать. Ингви наблюдал за ним с привычной кривой ухмылкой. Граф проглотил кусок и закончил:

– Как-то... ну, слишком просто, заурядно. Подобные дела

обычно разве что описываются в священных книгах, а живых свидетелей не бывает.

– Тогда тебе повезло, ты видишь живого свидетеля. Однако к делу. Гангмар, говорю я, бродяга и непоседа. Он забросил паству, но прирученные им племена никуда не девались. Они существуют, их чародеи обучены магии, но теперь они лишились источника маны. Тебе, Кари, не приходилось испытывать, каково это, лишиться маны, а я пошлялся вдали отсюда, бывал за морями, там невероятно бедный фон... Странное ощущение. Будто тянет обратно, к источникам маны, зовет, манит, в душе вечное беспокойство...

– Ага, – подтвердил Филлиноэртли, – то-то ты такой странный был.

– И что же предпримут дикари? Как вы полагаете? – Счастливчик вернул разговор в прежнее русло.

– Я допускаю, что они отправятся на поиски утраченных богов. Мана влечет их, зовет и тянет, а источник маны – боги. Этим очень хорошо объясняется возросшая активность северных разбойников. Их волхвы все более уверенно владеют магией, они уже чувствуют, где их посохам легче заряжаться маной. Обратите внимание, прежде морских разбойников вели здоровенные рубаки, вроде Трорма Оди или Хольна Плешивого, а нападением на Верн руководил уже северянский чародей. Колдуны берут власть в свои руки, и народы, повинувшись им, выступают на поиски утраченных богов, иными словами – устремляются к источникам маны. Как вам

такая картинка?

– То есть... – Кари задумался на минуту, потом до него дошло. – То есть выйдет переселение народов, как в мире демонов... А ваши дикари тоже утратили бога?

– Это случилось примерно за две тысячи лет до моего рождения, – Ингви пожал плечами, – многое было забыто. Однако в конце концов потомки переселенцев уверовали в одно и то же божество... хотя и чтили его по-разному. Еще добавлю, что походы варваров в моем мире были направлены к месту, где земное воплощение бога было рождено, убито, и затем воскрешено... но я не стану утомлять вас подробностями чужого вероучения. Здесь важно другое.

– Что в результате походов была разрушена империя? – догадалась Ннаонна.

Король кивнул. Помолчали. Потом Ингви напомнил:

– Я стараюсь составить карту Мира по рассказам путешественников. Пока не получается, но, как ни крути, пути дикарей к Империи пройдут у наших границ.

Глава 5

Ванетиния

Завидев мужа стоящим, Санелана обернулась к священнику и, рухнув на колени, принялась целовать ему руки. Когер с перепугу вырвал ладони и отшатнулся. На лице простодушного клирика было изумление, граничащее с ужасом – сама императрица... целует руки...

– Отче, ваши молитвы вернули моего супруга! – прорыдала императрица.

Огромные слезы катились по круглым щекам, но женщина их не замечала. Когер на всякий случай отступил еще на два шага.

Алекиан выпустил шторы и заковылял к ложу. Архиепископ торопливо подскочил и попытался подхватить больного, подставить руку – император отстранил Мунта и устало опустился на смятые перины. На слезы жены Алекиан взирал совершенно безразлично, должно быть, ему сейчас было очень худо. На минуту все смолкли, только Санелана всхлипывала и шмыгала носом.

Потом Алекиан разлепил бледные губы и тихо произнес:
– Дорогая, вели подать воды. Я должен умыться перед советом.

– Перед советом? – растерянно отозвалась женщина.

– Да, совет соберем немедленно. Я слишком долго отсут-

ствовал, чтобы теперь терять время. Кстати, мне понадобится платье.

Императрица кивнула и, торопливо вытирая мокрые щеки, удалилась. Тут же из коридора донеслись ее распоряжения, голос Санеланы звучал вполне твердо, будто она не рыдала минуту назад. Она имела очень четкие представления о том, как следует вести себя императрице, и старательно следовала идеалу. В частности, никогда не проявляла ни малейшей слабости при слугах.

Алекиан обернулся к клирикам.

– Отец Когер, ты можешь идти. Мы позже решим, как вознаградить тебя, и как лучше воспользоваться твоим необычайным даром.

Оставшись с Мунтом наедине, император задумчиво произнес:

– Человек великих талантов и ничтожного ума. Интересно, его способности имеют магическую основу?

– Нет, – уверенно ответил глава Церкви. – По моему приказу Когера испытывали весьма тщательно. Он не чародей... слава Гифингу, что дело обстоит так, ибо магия – всегда ересь. Когер – другой. И счастье, что в годину суровых испытаний Пресветлый послал нам этого святого человека. Смирненного плотью и могущественного духом.

– Должно быть, его сила сродни возможностям эльфов. Мне объясняли, что эльфы не пользуются магией, но просят Гунгиллу о том и этом, а она дает. Молитвы нашего Когера

ра, обращенные к Гилфингу – нечто подобное. Однако, к делу. Нынче на совете я наслушаюсь вестей о том, какие беды стряслись за время моей болезни. Но сперва скажите коротко – чем именно мне следует озаботиться в первую очередь. Ваше мнение мне очень важно.

– В первую очередь, братец, тебе следует научиться говорить «мы», имея в виду себя, – Коклос Пол-гнома выбрался из-под кровати, отряхнул пыль с камзола и направился к выходу. Уже взявшись за дверную ручку, карлик бросил через плечо, – как видишь, я демонстративно отказываюсь подслушивать секреты империи. Они меня не интересуют.

В коридоре шут буркнул:

– Некогда я дал братцу совет слушаться советов дурака. Но не до такой же степени! «Ваше мнение мне очень важно»! Подумать только... О Гилфинг, на кого он меня променял! А ведь раньше его в первую очередь заинтересовало бы мое мнение! Даже не вспомнил! И еще братцем называется! Ужасные времена, ужасные времена...

Коклос побрел прочь от императорской опочивальни. За углом слышались голоса и торопливые шаги – возвращалась Санелана. За ней неслись слуги с тазами, бритвами, мисками и шитыми золотом нарядами. Шествие топало, шуршало, причитало, брнчало... Карлик нырнул в нишу, задрапированную гобеленом, и затаился, мысленно жалуясь: «Ужасные времена, когда я боюсь произнести шутку вслух!.. Ну как я смогу объяснить братцу, что он слушает **не того**

дурака!»

* * *

Карлик ждал. Вот кавалькада протопала мимо его убежища, затем – стук в дверь, Санелана попросила позволения войти... топот, шорох, звяканье... толкотня на входе в опочивальню... После того, как хлопнула, затворяясь, дверь, Полгнома выбрался из ниши и звонко чихнул. В темных уголках Валлахала пыли скопилось изрядно, но маленький шут давно привык. Пыль стала его союзником – по тому, какие следы остаются на ней, Коклос определял, не отыскали ли кто его убежища. Размеры позволяли карлику протискиваться там, где не мог поникнуть никто другой, так что заколоченные чуланы, забытые галереи, потайные лазы – все было в его распоряжении. Конкуренцию могли бы составить дети и тайные любовники, но при нынешнем императоре детворы во дворце не осталось, а заводить шашни стало небезопасно. Ее величество не одобряла легкомысленных развлечений, вошедших в обычай при покойном императоре.

Нынче Валлахал опустел и будто съезжился, многие помещения перестали использоваться... и на пыли, покрывшей там пол, остаются только маленькие следы Коклоса.

Выбравшись из-за гобелена, шут с минуту прислушивался к звукам, которые доносились из опочивальни Алекиана, потом побрел прочь, ворча об ужасных временах. В сосед-

ней галерее пыльных гобеленов не висело, здесь стены были отделаны широкими, потемневшими от древности, дубовыми панелями. Коклос воровато огляделся. Никого. Карлик, пыхтя, сдвинул тяжеленный брус – в стене открылся черный зев потайного хода. Рослый человек мог бы передвигаться там, разве что согнувшись в три погибели, но крошечный шут проходил, не склоняя головы.

Коклос задвинул дубовую панель на место, нащупал подсвечник и зажег огонек. Разумеется, среди следов, свежих и успевших покрыться новым слоем пыли, были только маленькие отпечатки.

– И откуда здесь берется пыль, – буркнул коротышка. – Все закрыто...

Карлик двинулся в путь, освещая дорогу тускло горящей свечой. Несколько раз ему встречались ответвления, ведущие к другим потайным проходам, Коклос шагал дальше. Наконец у очередного перекрестка он остановился. Поглядел на припорошенный пылью скелет крысы и свернул. Крыс во дворце время от времени выводили Изумруды, это входило в обязанности придворных чародеев, и скелет лежал здесь с незапамятных времен. Коклос пользовался косточками, как ориентиром.

Новый проход был уже, да и потолок опустился, теперь даже коротышке Коклосу приходилось пригибать голову. Шут уверенно шагал, прикрывая огонь свечи ладошкой. Прежде, когда карлик только начинал свои странствия по темным ла-

биринтам, ему казалось, что секретные галереи тянутся и тянутся, что он уходит невообразимо далеко, и непонятно, как коридор может уводить в такие дали. Валлахал, хоть и велик, но не безграничен. Теперь Полгнома уже не обманывался относительно размеров тайных переходов, темнота и гнетущее запустение перестали вводить его в обман. На самом деле тайные переходы были вовсе не такими уж длинными – их прокладывали для того, чтобы царедворцы могли шпионить друг за дружкой, а тучным рослым мужчинам (какими, обычно, и бывают могущественные вельможи) не по нраву долгие перемещения на четвереньках.

Наконец в дальнем конце показалось серое пятно, и стали слышны голоса. Крошечное оконце, цель странствия в темноте. Коклос задул свечу, теперь он старался ступать потише. Вряд ли участники императорского совета станут прислушиваться, но береженого и Гилфинг бережет. Шут еще ни разу не попался во время подобных вылазок, и немало гордился этим обстоятельством.

Окошко для подслушивания находилось на уровне коленей взрослого мужчины, это ограничивало возможности, поскольку разглядеть лица тех, кто находился в комнате, было затруднительно – зато и шпион пребывал в относительной безопасности. Важные персоны редко глядят, что творится ниже их колен. Коклос опустился на пол и осторожно глянул в отверстие. Он видел свисающие со стола края скатерти, отороченные золотой бахромой. Видел сапоги дворян и

теплые туфли священников. Участники совета как раз двигали стулья, рассаживаясь. Потрескивал огонь в камине.

– И все-таки, ваше высокопреосвященство, я не понимаю, почему он удалился так демонстративно.

«Это братец про мой уход, – подумал Коклос, – братец думает об мне, братец помнит!»

– Трудно понять мотивы действий дурака, – это Мунт.

«Дурака, как же. Да Мунт просто мне завидует! Конечно. Мы оба дураки, но я профессионал и известный мастер дурацкого ремесла, а он – жалкий дилетантишко. Хотя он весьма прилежно учится»...

* * *

Наконец все расселись, и Алекиан оглядел участников совета. Представители Церкви были в большинстве. Фенокс, исполняющий обязанности канцлера, и архиепископ Мунт привели по несколько секретарей и белые рясы за столом преобладали. Помимо клириков за столом находились Кенперт, Гиптис Изумруд и некий Роккорт ок-Линвер, недавно назначенный капитаном гвардии. Командный состав имперцев после похода на восток оказался сильно прорежен, в строю не осталось ни одного из капитанов, получивших звание при Элевзиле II.

Этот Роккорт был крепким рослым мужчиной шестидесяти с хвостиком лет от роду. Этот воин, будучи в преклон-

ных годах, числился при прежнем императоре лейтенантом, что красноречиво говорило о его способностях. Фигурой и осанкой капитан напоминал ок-Икерна, но на этом сходство заканчивалось. Умом ок-Линвер не блистал, был отважным воякой, послушным и исполнительным. Не более того. Его сделали капитаном только лишь потому, что не нашлось более подходящего кандидата. Докладом сэра Роккорта (оказавшегося, кстати, старейшим из присутствующих) совет открылся. Старик коротко доложил, что из-за убыли в рядах гвардии он решил изменить – временно, разумеется – командную структуру. Вместо прежних четырех рот, возглавляемых капитанами, он создал одно подразделение под его, ок-Линвера, командованием. Трех дворян, обладающих достаточным опытом он назначил лейтенантами, под началом каждого десять-двенадцать «копий», то есть дворян, сопровождаемых стрелками и оруженосцами. Со временем можно будет развернуть эти отряды в роты, а нынешних лейтенантов произвести в капитаны. Сам старый вояка, разумеется, метил в маршалы, хотя проявил благоразумие и не стал говорить об этом вслух.

– Итак, гвардии у нас нет... – уныло произнес Алекиан. – А ополчение, разумеется, распустили по домам?

Капитан невнятно пробурчал: «Да, конечно... ваше императорское величество». Всем было ясно, что повторно собрать такой богатый «налог крови» с Тилы и Тогера уже не удастся. Обе страны обескровлены предыдущей кампанией,

да и согнать недовольных тильцев под имперские знамена будет теперь сложнее. Алекиан никого не упрекал, формальных прав удерживать на службе воинов из Тилы и Тогера его должностные лица не имели, а использовать неформальные возможности никто не рискнул. Когда император тяжело хворает, нет охотников брать ответственность на себя.

Продолжил доклад архиепископ. Заметив вскользь, что ванесткое дворянство предано его величеству по-прежнему, архиепископ объявил: Церковь собирает собственную армию, и под белое знамя уже сейчас сошлось не меньше трехсот дворян. Их сейчас вооружают с тем, чтобы к лету они представляли собой организованное войско. Ничего удивительного – в монастырях есть немало дворян: раскаявшиеся злодеи, замаливающие грехи; младшие отпрыски небогатых родов, избравшие духовную карьеру; просто люди благородного происхождения, утомленные миром... Посланцы его высокопреосвященства обращаются к ним с призывом: продолжить покаяние в рядах армии Церкви. Имеется и немалое число добровольцев низкого происхождения... Конечно, требуется время, чтобы создать из них настоящую силу, но вся зима впереди. Зимой не воюют. Зимой готовятся к войне.

Алекиан просветлел лицом, армия у него все-таки есть! Огромная армия! Послушная, дисциплинированная!

Затем епископ Фенокс доложил о состоянии имперской казны: финансы Империи в прекрасном состоянии! В счет

займа, предоставленного Церковью, продолжают поступать средства... и этот золотой поток, медленный, но не иссякающий, питает Империю.

Следующим был сэр Кенперт. Молодой дворянин, который сейчас заведовал посольствами, перепиской с вассальными монархами и прочими дипломатическими вопросами, был краток. Увы, никаких улучшений в политическом раскладе не произошло. Верность Империи хранят лишь те, кто рассчитывает на поддержку и те, кто служит из страха. Снова заговорил Мунт. Он получил тайное послание от энмарского епископа. Совет негоциантов, заинтересованный в том, чтобы возвратиться на ванетский рынок, готовит посольство с некими предложениями. Благоприятными предложениями. В течение зимы энмарцы объявятся здесь, в столице Великой Империи. Его священство епископ энамарский старается воздействовать на Совет, чтобы направить мысли торговцев в нужное русло. Возможно, у Империи вскоре объявится могущественный союзник.

Коклос почувствовал, что сейчас чихнет, и он начал медленно отползать, зажимая нос ладошкой. Удалившись от оконца, карлик чихнул и молвил:

– Ужасные времена. Армия у нас теперь, значит, церковная, казна тоже... Дипломатия – и та оказалась в руках епископов! И мало того, вместо меня братец слушается теперь дурака архиепископа... глупость – и та захвачена Церковью... Ужасные времена!

Глава 6

Гева

– Что плохого в королевском достоинстве? – Гезнур прошелся по кабинету и остановился у окна. Однообразный белый пейзаж настраивал на философские размышления. – Плохо, что тому, кто находится, на вершине, не к чему стремиться. Корона – это вершина. Начинаешь задаваться вопросом: зачем все эти утомительные встречи, разъезды, письма, наконец?

– Осмелюсь заметить, будучи графом, вы, мой господин, занимались тем же самым. Встречи. Разъезды. Письма.

Граф обернулся и смерил взглядом безымянного слугу, исполнявшего обязанности палача, лекаря, цирюльника, а также множество иных, не менее деликатных, обязанностей. Верный оруженосец сидел в темном углу рядом с дверью и помалкивал, пока Гезнур не обратился к нему. Верней сказать, король беседовал сам с собой, но безымянный являлся чем-то вроде тени монарха и вполне мог играть роль второго голоса в этом внутреннем диалоге.

– Видишь ли, прежде я знал, ради чего страдаю... я хотел заполучить корону, натянуть ее на уши покрепче. А теперь? Чего я хочу теперь?

– Сохранить корону, мой господин.

– И то верно. Ладно, оставим пустые речи...

В дверь постучали.

Безымянный цирюльник бесшумно встал и сместился к входу, его ладонь легла на рукоять длинного кинжала, подвешенного к поясу. Никакие меры предосторожности этот человек не считал лишними, даже здесь, в собственном замке Гезнура. В кабинет вступил слуга и поклонился.

– Посланец его величества Гюголана. Позвольте пригласить?

Гезнур кивнул, и слуга, посторонившись, пропустив комнату гостя. Это был рослый дворянин, чтобы пройти в дверь, посланцу пришлось пригнуться. Затем он с поклоном вручил Гезнуру письмо с королевской печатью, оттиснутой на зеленом воске. Гезнур кивком отпустил слугу и сломал печать. Пробежал письмо глазами, хмыкнул и стал читать внимательней, поглядывая поверх пергамента на гостя.

Пока король читал, приезжий хранил молчание и, поглаживая длинные черные усы, оглядывал кабинет. Заметил он и цирюльника, замершего у него за спиной, но не подал виду, что его беспокоит этот человек. Хотя Гезнур не припоминал приезжего дворянина, тому, похоже, были знакомы порядки, заведенные гевскими королями.

Наконец хозяин замка закончил чтение и бросил письмо на стол, пергамент с шуршанием свернулся в трубку.

– Итак... – с вопросительной интонацией произнес Гезнур.

Гость снова поклонился.

– Рейвен из Гнарка, ваше величество.

– Итак, сэр Рейвен, отец пишет, что, дескать, весьма при-
скорбно, что император Алекиан получает рекрутов из Гевы
для будущей войны с нами. Все письмо – тривиальные рас-
суждения о потерях, понесенных нашей армией в осенней
кампании и о том, что новое войско набрать негде... и наши,
без того невеликие, людские ресурсы не просто истощаются,
но и пополнят ряды вражеского войска. Насколько я пони-
маю, основную часть послания, а именно, кем являются эти
рекруты, поручено передать на словах? Ибо письмо не со-
держит ничего интересного, кроме упоминания таинствен-
ных рекрутов, остальное – пустая болтовня, предназна-
ченная для чужих, буде письмо попадет не по адресу. «В то вре-
мя как вы мой, возлюбленный сын и соправитель, улажива-
ли дела несчастной Гевы на рубежах королевства... здесь, в
самом сердце страны коварный враг...» и тому подобное.

– Именно так, ваше величество, – сэр Рейвен склонил го-
лову, – мне велено ответить на любые вопросы, касающиеся
темы письма.

– Прежде всего мне хотелось бы узнать... – король выдер-
жал паузу, – почему важное поручение дано именно вам. Я
не помню вашего лица, добрый сэр Рейвен.

Рыцарь прикрыл ладонью нижнюю часть лица.

– Возможно, ваше величество, так вам будет проще меня
вспомнить. Усы я отпустил недавно.

– Да, пожалуй... Пожалуй, я видел вас в свите батюш-

ки. Что ж, перейдем к делу. Присаживайтесь. И поведайте, что за новобранцы императора могут объявиться в нашей несчастной разоренной стране? Откуда они возьмутся, если я ломаю голову как раз над тем, откуда бы взять воинов для грядущих походов.

* * *

– Речь идет о монахах, – коротко ответил гость.

– Монахах?

– Да. Посланцы его высокопреосвященства нынче объезжают монастыри по всей Империи, несут пастырское благословение вновь избранного главы Церкви и прочее в таком духе. Кроме того, они зовут вступить в братство Белого Круга. Это, ваше величество, воинственное братство.

– Хм... Белый Круг... Я слышал о них. Предполагается, что это святое воинство будет противостоять эльфам и гномам, посягающим на исконные земли Империи, то есть на те земли, откуда эльфы и гномы изгнаны более ста лет назад. Так?

– Я совершенно убежден, ваше величество, – рыцарь привстал и поклонился, его стул скрипнул под тяжелым грузом, – что имеются в виду не только эльфы с гномами, но и нелюди вообще. В войске вашего величества сражались доблестные тролли, а уж сообщество чародеев из Могнака Забытого и вовсе именуется Черным Кругом. Черный Круг

и Белый Круг – интересное сочетание.

– Это верно... – Гезнур задумался, внимательно разглядывая усатого верзилу.

Сэр Рейвен ему, пожалуй, нравился. Рыцарь знал себе цену – был в меру скромнен и в меру самоуверен, рассуждал здраво и, похоже, пользуется доверием батюшки... Хм, кто бы мог подумать, что у Гюголана имеются слуги вроде этого господина из Гнарка! Короли, как правило, окружают себя сверстниками, и не доверяют слугам, не принадлежащим их поколению. Гюголану скоро стукнет шестьдесят пять и, хотя король исправно производит на свет потомство мужского пола, хотя пережил уже третью супругу, он все-таки старик. И из старых соратников при нем не осталось никого, кто представлял бы собой хоть что-то значительное. Лучшие сподвижники давно сгнули, исполняя королевские поручения, и нынче вокруг трона – бездари либо молодежь, не пользующаяся доверием. Таков удел престарелых правителей... но вот этот Рейвен, пожалуй, неплох. Во всяком случае, на первый взгляд. Интересно, насколько дорожит им батюшка?

– Скажите, сэр Рейвен, вас отрядили лишь для того, чтобы передать мне послание или я могу использовать вас в кое-каких щекотливых делах?

– Король Гюголан велел мне оказывать вашему величеству любую помощь в деле с рекрутами Белого Круга. Особых инструкция я не получал, но, рискну предположить, мне

надлежит без промедления вернуться ко двору вашего ба-
тюшки по разрешению этой проблемы. Во всяком случае, на
мне по-прежнему лежат обязанности третьего конюшего.

– Понимаю, понимаю... – задумчиво кивнул Гезнур. То,
что Рейвен имеет официальный пост при дворе, еще боль-
ше увеличило его ценность в глазах младшего короля. – Те-
перь поведайте мне, что известно об этом Белом Круге. Не
будем терять времени, чем раньше покончим с... с этим до-
садным недоразумением, тем скорей вы вернетесь к обязан-
ностям третьего конюшего.

– В Белом Круге нет ничего тайного – вероятно, поэтому
они и не привлекли до сих пор внимания вашего величества.
Среди монахов собирают людей, которые в миру были вои-
нами и до сих пор не забыли, с какой стороны следует брать-
ся за меч. Вступающим в братство обещано полное отпуще-
ние грехов и, что гораздо важнее – возможность на закон-
ном основании заниматься тем, в чем они, собственно гово-
ря, каются, пребывая ныне в святых обителях. Они смогут
убивать, грабить, жечь и разорять – с единственным услови-
ем. Все эти благородные действия должны быть направлены
не на добрых детей Гилфинга, приверженных святой Церк-
ви.

– На нелюдей, так ведь? – Гезнур говорил медленно и за-
думчиво. – Либо на тех, кого наш архиепископ приравняет
к нелюдям.

– Пока что войска Белого Круга собирают вдали отсюда

– им предоставлены старые имперские крепости в Анноре, Нелле и Приюте. Тамошние правители довольны, что им помогают блокировать занятый эльфами Феллиост. Они даже оказывают поддержку провиантом и оружием братству. Нельзя не признать, что экспансия эльфов захлебнулась во многом благодаря Белому Кругу. Сражений не было, разве что мелкие стычки. Но и это противостояние закончилось вничью. Белый Круг недостаточно силен, чтобы изгнать нелюдей за Великую, но, объединившись с местными, вполне способен противостоять им. Вместе с тем, эмиссары его высокопреосвященства действуют с возрастающей энергией. Число вступивших в братство растет, скоро будет впору задуматься, не обезлюдеют ли монастыри? Служба под знаменами Белого Круга привлекает монастырский клир куда больше, нежели мирное служение в обителях.

– Они принимают не только дворян?

– Нет, конечно. Берут всех желающих. Нужна ведь и обозная прислуга, кузнецы, возчики, конюхи, пекари... да мало ли.

– И все они в избытке имеются в монастырях. Что ж, сэр Рейвен, привезенные вами сведения заставили меня изменить планы. Я-то намеревался отдохнуть...

* * *

Зимой Мир преображается. Преображаются даже такие

забытые Гилфингом земли, как Гева или Болотный Край. Большую часть года в Геве торжествует серый цвет, можно сказать, что лишь в «королевстве грязи» серый цвет проявляет себя по-настоящему, только здесь, в Геве, можно по достоинству оценить потрясающее богатство оттенков серого, различать которые не придет в голову нигде в другом месте... только не зимой. Зимой Геву заносит снегами так же, как и любой другой уголок Мира.

Под белыми пушистыми одеялами скрываются россыпи камней, заболоченные лощины, овраги, глинистые бугры и чахлые рощи. Над деревьями, занесенными снегом, поднимаются дымы – жалкие остатки серого, уступившего зимой место снежной белизне. Дорога также покрыта снегом, блестят наезженные колеи, зализанные до зеркальной гладкости. По обочинам встречаются вереницы следов, продавленных в глубоком снегу. Бывает, дорога оказывается узкой для путников, следующих в обоих направлениях – но зимой это происходит редко.

Лошади понуро ступают, подковы выколачивают дробь о толстый слой спрессованного снега. Возницы лениво вертят головами, разглядывая монотонный белый пейзаж. Всадники, сопровождающие конвой, тоже озираются, ладони в толстых рукавицах оглаживают рукояти мечей. Это Гева. Странствовать здесь было небезопасно и в лучшие годы, чего уж говорить о теперешнем времечке, когда повсюду война и разбой... На всадниках – белые священнические накидки

поверх добротных полушубков, над ними – знамена с белым кругом. Они торопятся, чтобы засветло поспеть в монастырь. Дни зимой коротки, ночи – холодны, неприветливы и опасны. Путники понукают лошадей, те послушно ускоряют шаг, из ноздрей животных вырываются струйки пара.

Передний всадник въехал на невысокий пригорок, взгляделся во встающие над горизонтом дымки и весело крикнул спутникам:

– Да, это обитель! Живей, уже близко!

Потом смахнул с бороды сосульки и, пришпорив коня, покакал к группе построек, окруженных невысокой стеной. По верху стены над бруствером, укрытым мягкими округлыми снежными наростами, движутся темные точки. Монахи несут стражу – это Гева, здесь никто не может чувствовать себя в безопасности. Конвой перевалил гребень холма, под гору лошади сами побежали быстрее. Копыта застучали о наст веселей, громче задребезжала сбруя и оружие ездоков. Передний всадник уже стучал в ворота. Излишний труд – разумеется, гостей заметили.

Всадник назвал себя:

– Викарий при его священстве епископе гонзорском Феноксе, Лайсен. Имею послание архиепископа Мунта...

Заскрипели, распахиваясь, ворота. Навстречу въезжающим саням уже спешили монастырские служки. Неторопливо вышел настоятель, снег мерно поскрипывал под ногами. Гость спешил и, зябко ежась, извлек из-под накидки пер-

гамент, украшенный доброй полудюжиной разноцветных печатей.

Толстый важный аббат обменялся приветствиями с приезжим викарием... осенившись гилфинговым кру́гом, принял письмо его высокопреосвященства, начал читать. Викарий терпеливо ждал. К нему приблизился молоденький послушник, поклонился, принял поводья жеребца. Его лицо показалось Лайсену смутно знакомым.

– Как звать тебя, сын мой? – осведомился приезжий.

Отрок вместо ответа снова поклонился и побрел прочь, увлекая коня.

– Велитианом его зовут, – пояснил настоятель, закончив чтение. – Несчастный паренек, твердит, что, дескать, много нагрешил. Похоже, это имя приносит лишь беды тем, кто его носит. А ныне принял обет молчания, кается... Итак, вы, брат Лайсен явились, чтобы вербовать...

– Призывать, – поправил приезжий. – Только призывать под знамя вооруженного братства. Такова воля его высокопреосвященства.

– А что думает по этому поводу наш король? – осторожно осведомился настоятель. Маленькие глазки глядели безмятежно, но толстый аббат беспокоился.

– Того не ведаю. Надеюсь, мирских владык не беспокоят дела Церкви.

– До тех пор, пока они не противоречат воле упомянутых мирских владык, – заметил монах. – Что ж, прошу, брат.

Идемте в часовню, вознесем совместно молитву, затем можно и в трапезную. Отведаете, что Гилфинг послал, после обсудим вашу миссию.

Глава 7

Альда

Наутро Филька отправился восвояси, напутствуемый строгими повелениями: «немедленно прекратить балаган с погодой». Эльф клятвенно заверял, что сразу же по возвращении велит вассалам прекратить взывать к Матери, и не больше трех дней потребуется зиме, чтобы воцариться в Альде. Ингви с Ннаонной вышли на крыльцо махнуть на прощание рукой уезжающему князю.

Шел мокрый снег, и силуэт Фильки мигом растаял в белесой пелене валящихся с неба мягких хлопьев. Пушистые комки падали в лужи, оседали, впитывая грязную воду, теряли белизну, обращались в неопрятную кашу, чавкающую под ногами.

– Ну что ж, заявил Ингви, – вернемся к суровым будням. Что у нас на сегодня?

Вопрос был адресован Джамену, который переминался с ноги на ногу поблизости и глядел с намеком. Явно намеревался обратиться с вопросом.

– Ваше величество, аудиенции просят выборные от энмарских негоциантов и делегация цеха кузнецов. Тем и другим было обещано, что сегодня просьбами займется его милость канцлер, но сэр Мертенк так и не вернулся... Видимо, не смог добраться в столицу из-за снегопада.

Ингви тяжело вздохнул. Из-за снегопада... Если бы не эльфы, уже давно установился бы зимний путь, и энмарцы с кузнецами докучали бы своими мелкими занудными проблемами канцлеру. Ничего, Филька еще получит за эти номера. Когда-нибудь – получит. Но теперь разбираться придется ему, королю.

– Ладно, Джамен, где эти делегаты?

– В зале перед входом в канцелярию. Спорят, что первым должен получить доступ к вашему величеству. Кто-то из наших умников успел им объяснить, что раз канцлера нет в Альхелле, ими займется сам король.

– Первыми примем иностранцев. Джамен, будь поблизости, когда они начнут. Мне понадобятся советы.

– Но я не...

– Пустое. Ты всего лишь подскажешь мне, кто из мертенковых чинуш может знать необходимые циферки, если что. И на всякий случай, приведи парочку потолковей, чтобы тоже были под рукой... да, и Никлиса пришли тоже. Я приду через пять минут, только переоденусь.

Джамен поклонился и кинулся исполнять приказы. При упоминании Никлиса слуга поморщился.

Ровно через пять минут Ингви, сопровождаемый Ннанной, появился перед входом в анфиладу, которую Мертенк превратил в свое логово. Официально это место именовалось «канцелярией». У дверей толпились члены братства кузнецов и энмарские купцы. Альдийцы глядели хму-

ро, приезжие же, наоборот, посматривали на цеховых свысока – им было обещано, что король примет сперва их. Мелочь, а приятно. Ингви взмахом руки остановил двинувшихся навстречу просителей и торопливо скрылся за дверью. Там поджидал Джамен, с ним – двое пожилых грамотеев из свиты канцлера. Ингви поморщился, но вслух не стал высказываться. Он всегда предпочитал молодых исполнителей, Мертенк же, разумеется, с большей охотой приближал к себе сверстников. Если эти и есть «парочка потолковей», то каковы же аутсайдеры команды Мертенка?

Король сел за стол, Ннаонна, как обычно, примостилась на подлокотнике. Остальным было велено притащить стулья и расположиться рядом. Много чести для писаришек, но Ингви было не до церемоний, ему хотелось иметь под рукой советчиков, которые были бы в курсе дела. Сам он охотно свалил дела на канцлера и совершенно не имел представления, чем могут быть недовольны, к примеру, кузнецы.

Чиновники приволокли табуреты и присели скромно в сторонке. В руках у обоих были толстые пачки исписанных листов всевозможных размеров. Джамен расположился у двери – впускать и выпускать. Наконец все было готово, и Ингви, испустив очередной тяжкий вздох, кивнул – впускать.

Купцы вошли. Трое бородатых мужчин, все, как на подбор – рослые, крупные, самоуверенные. Настроены они были решительно, это Ингви разглядел и в коридоре, так что

теперь он только кивнул – мол, давайте – и, стиснув зубы, приготовился. Энмарцы переглянулись, затем разом, перебывая друг друга, принялись орать, перечисляя убытки, которые они несут из-за того, что задержались в этом захолустье и упустили время... Ингви молчал. После пятиминутного крика торговцы притихли. Потом снова переглянулись – и опять завели свои жалобы. Ингви привстал, вытянул у одного из чиновников из рук несколько пергаментов (писаришка испуганно вздрогнул) и принялся лениво разглядывать. Ннаонна зевнула. Джамен поудобней оперся плечом о дверь, поскольку стоять предстояло долго.

Купцы снова притихли, потом еще раз принялись орать, но теперь их запал хватило разве что на пару минут – затем энмарцы сообразили, что крик пропадает попусту, и умолкли. Пихнули друг друга локтями, переглядываясь, наконец тот, что был постарше, спросил – уже более спокойно:

– Э... ваше величество... слышите ли вы нас?

– Очень хорошо слышу. И даже предпочел бы, чтоб вы не так громко кричали, – откликнулся король, не отрываясь от бумаг.

– Так что ж вы нам ответите?

– Не знаю.

* * *

С минуту энмарцы обдумывали ответ. Ингви выдернул из

стопки пергаментов очередной документ и углубился в чтение, изо всех сил притворяясь, что ему страшно интересно. Он в самом деле не знал, как поступить. Купцы были наглые и симпатии не вызывали. С другой стороны, они в самом деле вроде как пострадали из-за политических маневров Ингви... да и Филька, как ни крути, тоже свинью подложил со своей погодной гунгиллиной магией. Вассал все-таки. За грехи вассала сеньор в ответе!

– Но... – промямлил другой купец, помоложе, – как же?

Ингви еще раз оглядел просителей. Одежда на них теплая, зимняя – и явно не местного покроя. Точно готовились зимой странствовать, теплыми шмотками запасались!

– Я не услышал вопросов, на которые мне следует отвечать. Вы задержались из-за непогоды, но прибыли-то вы уже поздней осенью? Навигация на Ленотском озере давно окончена, и, поскольку торчите здесь день за днем, я решил, что вы так и намеревались – поторговать у нас. Вы ведь не собирались нарушать мой запрет на проезд в Гонзор?

Разумеется, именно это купцы и собирались проделать, справедливо рассчитывая, что зимой орки не заходят так далеко на север, как в теплое время – так что никто не помешает проскользнуть в Империю. Но признаваться энмарцам по понятным причинам не хотелось.

– К сожалению, – продолжал Ингви, – погода не позволила вам покинуть город вовремя, но епископа в Альде сейчас нет, и я не знаю, кому еще вы можете пожаловаться на про-

делки Матушки Гунгиллы. Ведь погода – в ее ведении.

– Откровенно говоря, – брякнул молодой купец, – мы считаем, что это ваше величество нарочно изменили погоду, чтоб задержать нас здесь и заставить распродать все в Альде по дешевке!

– Друг мой, – Ингви отложил бумаги и пристально поглядел на энмарца, – да ты богохульник! Как можно сомневаться в могуществе Матери! Как можно думать, будто кому бы то ни было под силу вмешаться в ее промысел?!

С грохотом распахнулась дверь. Джамен отлетел, потирая ушибленное плечо, и с возмущением уставился на Никлиса – тот спокойно вошел, помахивая своей неизменной дубинкой и попер прямо на купцов, оказавшихся между ним и королем. Энмарцы расступились.

– Слышь-ка, твое демонское, эти-то купчины уже гонца в Энмар отправили. Вот письмишко их подметное. Жалуются на тебя Совету.

Никлис брякнул на стол перед Ингви запечатанное письмо.

– А с чего ты взял, что они жалуются? – с интересом осведомился король, разглядывая нетронутые печати.

Никлис обернулся и с минуту в упор пялился на энмарцев, похлопывая дубинкой по ладони. Те отводили взгляд. Наконец начальник стражи изрек:

– Гонец сказал. Сам. Добровольно.

– М-да, – протянул Ингви. – Почтенные, письмо можете

забрать и убедиться, что оно не вскрыто. Лучше сами скажите, жалуется в этом свитке на меня? Верно? Вы бы уже кому-то одному жаловались, или мне на Гунгиллу, или Совету – на меня... Ладно, можете забрать письмо и... пожалуй, выйдите. Мне надо подумать. Сейчас я выслушаю кузнецов. Надеюсь, у них ничего серьезного, так что я заодно и поразмыслию, чем помочь вашему горю. Потом вас пригласят. Эй, письмо-то заберите!

Когда Джамен закрыл дверь за просителями, Ннаонна глубокомысленно изрекла:

– Ну вот, возвращаются прежние времена.

– Ты это к чему? – удивился Ингви.

– А ты, когда какие-то королевские вопросы решал, всегда одно и то же твердил: «Мне надо подумать». Небось, пока шлялись по островам да в Ренпристе гостили, не задумываясь все решал. А тут – опять за прежнее, подумать надо...

– Да, ты права, – печально согласился Ингви. – Опять начинаются скучные мелкие заботы. Ох, уж эти королевские обязанности, которые заставляют думать... Бросить бы их!

– Вот, – в голосе вампирессы тут же прорезался энтузиазм. – А я тебе что! Бросай ты это захоlustье! Давай лучше Мир сотрясать!

– Нет уж, – отрезал Ингви. – Сотрясение Мира есть гангмаров соблазн. А я решил стать примерным королем и не грешить. Хотя...

– Хотя что?

– Ничего. Джамен, давай сюда кузнецов!

* * *

Кузнецы желали странного. Их претензии выражались в следующем: дешевые изделия из металла, поступающие из Черной Скалы, лишают местных ремесленников дохода. Цех кузнецов просит наложить запрет на товары оркской работы, иначе им, альдийским мастерам, грозит разорение. А ведь они – вернейшие из подданных и опора престола! Возглавлял делегацию однорукий верзила, пострадавший от «злого короля» Кадор-Манонга, этот непрерывно басил, что, дескать, не для того они, кузнецы, жизнью рисковали и кровь проливали, чтоб теперь разоряться. Королю было неприятно, что толстяк спекулирует прежними заслугами, но, ничего не поделав, старшина кузнецов был прав: его цех всегда стоял за короля-демона, при котором оружейникам прибавилось работы. Да и толстяк в самом деле пострадал за то, что спьяну кричал в пользу Ингви.

Король обернулся к пожилым чиновникам, те, запинаясь и многословно повторяя на разные лады одно и то же, стали объяснять, что металлическими изделиями нелюдей торгует казна. Оружие, инструменты и утварь присланы орками частью в подарок, частью – как налог с графства Ничейных Полей. Поскольку достались товары дешево (верней, даром), сэр Мертенк велел торговать ими по низкой цене. Разумеет-

ся, спрос есть, альдийцы охотно покупают недорогие качественные поковки нелюдей, а местным кузнецам это невыгодно.

Ингви велел купцам подождать за дверью, ему, мол, надо подумать... При словах «надо подумать» Ннаонна хихикнула. Король покосился на девушку и заметил:

– Напрасно смеешься. Я уже придумал. Джамен, давай сюда тех, из Энмара. А ты, Никлис, дыши в сторону. Не то мне потребуется закуска.

Начальник стражи послушно отвернулся и деликатно рыгнул в кулак.

Когда энмарцы возвратились, Ингви с минуту молча разглядывал купцов – пусть помучаются. Потом проникновенно начал:

– Добрые мои мастера... – и снова умолк.

Пауза, конечно, для просителей мучительна. Вот и хорошо, пусть поскучают.

– Добрые мастера, я подумал так и этак... как ни крути, против воли Матери Гунгиллы не пойти. Тепло и холод бывают в Мир лишь по ее велению. Так что помочь вам я не могу. Однако я готов попытаться возместить ваши убытки.

Купцы, уже набычившиеся, чтоб приняться спорить заново, заинтересованно вытянули шеи, пожирая демона глазами. Слова о возмещении убытков не могли не заинтересовать торговцев.

– У меня имеется партия изделий из металла, и я готов

уступить ее по необычайно низкой цене.

– Насколько низкой? – тут же поинтересовался младший энмарец.

– Половина того, что просят мои люди на рынке. Но уговор – не торговаться по мелочам и увезти всю партию. На моей земле не продавать, только по ту сторону перевалов. Никакого обмана, товар качественный, проверенный.

Пожилые чиновники переглянулись, один, набравшись смелости, возмущенно пискнул:

– Ваше величество, прошу простить, но это невозможно! Будущий доход от реализации орочьего железа расписан до гроша... и...

Писарь умолк, напуганный собственной смелостью, его приятель торопливо отодвинулся, чтобы оказаться подальше от дерзкого.

Купцы притихли. Ингви, сдерживая улыбку, наблюдал за их душевными терзаниями, которые легко читались на напряженных лицах. Энмарцы понимали, что предложение выгодно, выходку писаря было невозможно спететировать заранее, да и поведение его несмелого коллеги также выглядело убедительно... Купцы никак не могли сообразить, где же кроется подвох. Король ждал, пока гости сообразят, что нынче аудиенцию получили не только они... пока вспомнят, о чем толковали кузнецы перед дверью.

– Я не стану торговаться и не буду ждать, – подогрел их решимость Ингви. – Если вы отказываетесь, второй раз по-

добного предложения не последует. Если откажетесь вы, я велю своим людям везти железо в Энмар. Но пока что уговор такой: вы забираете всю партию и проваливаете из Альды к себе. Распродаете в Энмаре мое железо, либо весной развезете по западному побережью – ваше дело. Потом сможем повторить. Цена будет не такой приятной, как сегодня, но в накладе вас не оставлю. Если станете брать регулярно и крупными партиями, подумаем над постоянным договором. У моих приятелей орков, сами понимаете, со сбытом довольно кисло... Хотя, с другой стороны, в Геве изрядный спрос на изделия из металла...

– Мы согласны, – сиплым от волнения голосом произнес старший энмарец. – Согласны, ваше величество.

Когда купцы удалились, Ингви обернулся к отважному писарю и пояснил:

– Все верно, мы будем в убытке. Зато демпинговый товар из Черной Скалы развалит не наше производство, пусть у ребят с западного побережья голова болит о разорении кузнечных цехов. И, кстати, в Энмарском Совете образуется партия, заинтересованная в постоянной торговле с Альдой. Это не спасет наши отношения, но все же...

Глава 8

Ванетиния

Тонвер с Дунтом ждали. Нынче с утра им было велено предстать перед его высокопреосвященством, и клирики смиренно явились в Валлахал, где обосновался глава Церкви. Сперва монахов долго держали на морозе перед входом, пока сердитый стражник сверялся со списками приглашенных, потом пришлось ждать архиепископского секретаря, брести следом за ним по длинным коридорам, где стояла студеная гулкая тишина... Наконец секретарь привел в обширное помещение, указал скамью в темном углу и приказал ждать. Сам уселся за стол и стал деловито шуршать бумагами. Здесь было теплей, в двух здоровенных каминах потрескивали поленья, изредка раздавался хлопок, снопы искр устремлялись вверх и исчезали в жерле дымохода. Монахи склонились на лавке, упрятали ладони в широких рукавах и притихли, изредка посматривая на клирика за столом.

Если не приглядываться, могло бы показаться, что секретарь трудится, не покладая рук. Но Тонвер и Дунт, сами опытные бездельники, мигом определили, что собрат филонит, перекладывает исписанные пергаменты из одной стопки в другую, не читая.

Тонвер ткнул приятеля локтем и прошептал:

– Гляди, какой-нибудь бедолага напишет письмо его вы-

сокопреосвященству и будет надеяться, мучаться неизвестностью, каждый день ожидать ответа... а письмо-то как попадет в руки этакому вот! И будет годами путешествовать по столу из угла в угол.

– Мне плевать, я архиепископу писем не пишу.

– А я вот собирался, – признался Тонвер, – хотел просить, чтоб определили куда-нибудь, где тепло и тихо, дабы в покойном досуге возносить молитвы. Разве мы не заслужили толики отдыха от тяжких трудов?

– Держи карман шире, – отрезал Дунт. – Чем больше мы станем стараться, тем больше на нас навалят новых забот. Вот если бы мы не справились...

– Да-да... кто везет, на того и грузят, – печально кивнул Тонвер, – так сказал Мерк Новый, когда... Постой-ка! Ты сказал «если бы мы не справились»?

– Сказал. Если нас постигнет неудача, наказания наверняка не последует, ибо поручения нам давали уж очень трудные. Но пока мы справляемся...

– Брат, ты совершенно прав!

Тонвер от волнения немного повысил голос, но, перехватив строгий взгляд архиепископского секретаря, торопливо перешел на шепот.

– Дунт, ты сказал весьма мудрую вещь, даже удивительно, как столь тонкая мысль пришла к такому простаку, как ты.

– Ха. Мои мысли всегда мудры и исполнены величия.

– Ха. Это ведь ты придумал стащить золото из хранилища

на острове блаженного Лунпа. Очень мудро!

– Вот именно. А ты все испортил своей неловкостью, когда попался братьям на глаза...

Распахнулась наружная дверь, в зал вошел архиепископ, секретарь торопливо вскочил и засеменял навстречу господину, Тонвер с Дунтом поднялись и согнулись в поклоне. Его высокопреосвященство едва глянул на смиренных монахов и отвернулся. Следом за Мунтом шагал Когер.

Секретарь, угодливо кланяясь, распахнул дверь кабинета, архиепископ, сопровождаемый знаменитым проповедником, прошел к себе. Едва Мунт скрылся, от угодливости секретаря не осталось и следа. Он тут же возвратился на прежнее место, принял важный вид и снова стал перебирать бумаги.

– Когер – воистину великий человек, чудотворец и угодник, – заявил Тонвер, меняя тему беседы. Он не любил вспоминать собственную промашку, из-за которой они с Дунтом вынуждены скитаться в холод и непогоду вместо сытой службы в монастыре блаженного Лунпа.

– При этом он редкостный болван, – прошипел Дунт.

– И это есть, – согласился толстый монах, – и это тоже...

На все гилфингова воля. Но что-то в нем есть.

– Во всех нас что-то есть, – глубокомысленно изрек его тощий приятель, – особенно после обеда и до того, как сходишь на толчок.

Из-за двери донесся голос архиепископа, секретарь тороп-

ливо вскочил и кинулся на зов, на ходу собирая лицо в угодливую улыбочку. Едва он скрылся, толстяк Тонвер кинулся к столу и цапнул несколько листов. Дунт сердито зашипел, но Тонвер не обращал на приятеля внимания, лихорадочно пробегая глазами исписанные страницы. Один документ поразил толстяка, монах вздрогнул и, отшвырнув прочие записи, метнулся вдоль длинного стола. На дальнем краю скопилась стопка писем, по-видимому, лишенных ценности и потому отложенных секретарем в сторону. Толстяк аккуратно, чтобы не потревожить слоя пыли, всунул свою находку в середину ненужных документов и кинулся обратно.

– Ты идиот, – прошипел Дунт, – а если за нами наблюдают?

– Но если не наблюдают, то... ох, брат Дунт, я, похоже, снова обрел милость Пресветлого. Важная тайна открылась мне! А письмо спрятано в пыльных бумагах на сем столе. Это хранилище куда более надежное, нежели самые укромные уголки архиепископской сокровищницы. Никто никогда не прочтет этого документа. Никто и никогда.

– Но если за нами наблюдали, дурья твоя башка?

– Тогда я, наверное, погиб, – хладнокровно кивнул толстяк. – Хотя мною ведь ничего не украдено, письмо-то на месте... И потом, я уверен, здесь за нами никто не следил. Этот трудолюбивый брат секретарь отлучился всего на минутку. Смотри, он уже возвращается.

Когда секретарь снова занял привычное место за столом,

монахи смиренно застыли в своем углу, склонили головы. Со стороны могло бы даже показаться, что клирики творят молитву.

* * *

Архиепископ расположился в высоком кресле, напоминающем трон, и предложил брату Когеру сесть напротив. Скромный клирик присел на краешек стула. Видно было, что он предпочел бы остаться стоять, однако не решился послушаться.

– Брат мой, поведайте, как вам удалось возвратить память его величеству? – проникновенно произнес Мунт.

– Молитвой, ваше...

Архиепископ поднял руку, останавливая собеседника.

– Да, да... – задумчиво произнес глава Церкви. – Всего лишь прочтя молитву у ложа страждущего... Именно так. Именно так и вершатся угодниками величайшие чудеса.

– Прошу прощения, – решился подать голос Когер. – Что-то не так? Я позволил себе нечто недостойное?..

– Напротив, брат, напротив. Посредством вашей молитвы Пресветлый явил чудо. Благое деяние! Однако...

Архиепископ сделал многозначительную паузу, проповедник тяжело вздохнул ожидая продолжения.

– Разумеется, вы, брат Когер, понимаете: о здравии его императорского величества денно и нощно молились сотни

наших братьев и сестер. Я специальным указом вменил в обязанности братии... Денно и ночью!

Архиепископ поднял указательный палец, чтобы подчеркнуть значение сказанного. Когер снова тяжело вздохнул, расправил складки ткани на коленях и уставился на архиепископский палец. Ему было не по себе, только теперь до скромного проповедника дошло, что его молитва оказалась действенной, чем многочисленные торжественные служения по всей империи.

– Я всего лишь помолился... – робко произнес бедняга.

– Именно так, – серьезным тоном подтвердил архиепископ. – Брат Когер, ваша молитва не раз творила чудеса на глазах сотен свидетелей. Мне поведали надежные люди, как под вашу проповедь изнуренные ратники отважно напали на мерзкое воинство Гевы и победили, хотя до тех пор удача отворачивалась от его величества. И вот – новое подтверждение святости вашего слова.

– Но я всего лишь...

– Вы, брат, орудие Светлого, Гилфинг особо прислушивается к вашей молитве. Не забывайте, это высокая ответственность. Не молитесь по пустякам... то есть, я хотел сказать, не тратьте чудодейственную силу вашего слова понапрасну. Я думаю... да! Впредь мы станем возносить молитвы совместно. Вы и я.

– Высокая честь для меня... – растерянно пробормотал Когер.

– И для меня – великая честь, – кивнул архиепископ. – Надеюсь, что и впредь ваше слово послужит к вящей пользе нашей Церкви. Весной братья, воители Белого Круга, выступят против нелюдей, дабы вооруженной рукой повергнуть их. Я сам предполагаю возглавить поход. Надеюсь, вы присоединитесь к войску? В моей свите, разумеется?

Когер потрясенно кивнул. Он так и не смог привыкнуть к стремительным поворотам судьбы. Едва сумел справиться с соблазнами и одолеть гордыню... едва оправился после того, как самонадеянно проповедовал императору Элевзилю и архиепископу Кениамерку, которые, должно быть, потешались над ним – едва он сумел преодолеть тяжкие переживания, когда обоих могущественных мужей постигла злая смерть... Уж не потому ли, что они смеялись над бедным Когером? Нет, нет, прочь греховные мысли!.. То гангмаров промысел! Но вот – снова. Снова его призывают император и архиепископ. Теперь сила когеровых проповедей не подвергается сомнению – и это новый соблазн. После испытания унижением Пресветлый испытывает его гордыней? Пусть так. Испытание следует выдержать со смирением.

Проповедник тяжело вздохнул, поднял глаза на архиепископа. Кивнул и выдавил из себя:

– Да, ваше высокопреосвященство. Как вам будет угодно. Ради славы империи и торжества Церкви.

Архиепископ Мунт проводил брата Когера до дверей, и уже в проеме несколько раз дружески потрепал растерянно-го клирика по плечу, затем наконец отпустил, напутствуя самыми добрыми словами. Когда Когер удалился, архиепископ смерил взглядом Тонвера с Дунтом – те застыли в смиренном поклоне. Пауза затянулась.

– Н-ну... – произнес Мунт, – великие грешники... теперь я желаю говорить с вами.

Монахи переглянулись и двинулись в кабинет грозного главы Церкви, предчувствуя неприятности. Тон Мунта не предвещал ничего доброго. Сесть парочке иерарх не предложил. Поудобней расположился в кресле и еще раз пристально оглядел клириков.

– Итак, брат Тонвер и брат Дунт.

Снова воцарилась тишина. Архиепископ злоупотреблял паузами – должно быть, ему нравился эффект, который периоды молчания производили на собеседников. Однако на Тонвера актерские ухищрения прелата не подействовали.

– Для нас огромная честь, что ваше высокопреосвященство помнит имена верных слуг Церкви, – молвил толстяк.

– Вы совершили преступление, – отрезал архиепископ, – столь великое, что я сумел запомнить ваши имена.

– Мы каемся, – пробурчал Дунт.

– Мы искупаем грех тяжелой службой – подхватил Тонвер, – неужели вашему высокопреосвященству не доложили, как мы, проявляя телесную отвагу и душевное смирение, сберегали бесценную жизнь достойнейшего брата Когера? Как отражали обращенные в его грудь кинжалы безжалостных убийц и заслоняли собственными тщедушными телами?

– Тщедушными? – архиепископ смерил взглядом округлую фигуру Тонвера. Толстяк добился своего, прелат улыбался и, кажется, готов был сменить гнев на милость. – Что ж, запомните, плуты: вы живы до тех пор, пока приносите пользу.

– Ради пользы святейшей Церкви мы готовы на все! – пылко произнес Тонвер.

– Готовы, – подтвердил Дунт.

– Отрадно видеть такое рвение, мои добрые братья, – улыбка архиепископа стала еще шире. – Я как раз намеревался поручить вам новое задание... весьма деликатного свойства. Если справитесь, можете рассчитывать на то, что отношение к вам смягчится.

– Приказывайте, ваше высокопреосвященство! – с жаром объявил Тонвер.

– Приказывайте, – поддакнул Дунт.

– В случае успеха вас обоих ждет великая награда. Не только забвение прежних грехов, но и высокие посты.

– О, ваше высокопреосвященство!

– Вы получите такие бенефиции и доходы, что со смехом станете вспоминать жалкую сумму, которую пытались похитить столь неудачливо!

– О-о... Приказывайте!

– Приказывайте, ваше высокопреосвященство!

– Хорошо. Очень рад встетить такое стремление к пользе Церкви. – Мунт снова умолк. Определенно, ему нравились паузы. – Вы получите задание, с которым не справился мой предыдущий посланец. Я вижу в вас, братья, подлинных специалистов, и судя по операции с братом Когером, вы в самом деле весьма хороши... в определенной области, гм.

– Благодарим за добрые слова, ваше высокопреосвященство!

– Благодарим, ваше высокопреосвященство! А в чем будет заключаться наше новое поручение?

– Предстоит исполнить кое-какую работенку в Альде. Возможно, вы слышали... Пресловутый король-демон, исчадие гангмарова Проклятия и великий злодей, потребовал, чтобы в его епархию был возвращен прежний епископ. Сей достойный прелат, сумевший внушить уважение даже злобным нелюдям, будет назначен в Альду, сейчас он уже в пути, направляется сюда из Феллиоста. Вы поступите в его свиту и...

Глава 9

Гева

Над замком Вейтрель поплыл низкий звук рога. Дозорный извещал о прибытии гостей. Брат-маршал отложил книгу в потертом кожаном переплете, тяжело вздохнул и встал из-за стола. Снял с крюка теплую накидку, набросил на плечи, нахлобучил отороченную черным мехом шапку и вышел в коридор. Половицы выли и стонали под тяжелыми сапогами некроманта, вторя хриплому вою рога за окном. Для чародея звук был мирным и не таил угрозы, в случае тревоги караульный трубил бы совсем иначе, но постороннему слушателю зов рога наверняка казался грозным и страшным. Таков был обычай чародеев из Могнака Забытого: все, что они делали, непременно должно было внушать ужас непосвященному.

Маршал прошествовал полутемным коридором, спустился на первый этаж, вышел на крыльцо и прищурился, опустив тяжелые веки. Солнце нынче светило вовсю, утоптаный снег во дворе сверкал и искрился. После нескольких недель непогоды выдался погожий денек.

Подбежал мальчишка – подручный из младших учеников. Нос и щеки юнца на морозе неподобающим образом покраснелись. Могнакскому чародею приличней было оказаться бледным...

– Господин мистик, – выдохнул мальчишка, – приехал Гезнур, гевский король. Велите отворять?

– Отворяй!

Двое чародеев статусом повыше, чем румяный отрок, встали перед створками и воздели руки. Третий, державшийся поодаль, бормоча заклинания взмахнул ладонями, взлетели просторные черные рукава. Бревно, служившее засовом, рывком провернулось и вышло из пазов. Маги нараспев завели заклинания, ворота стали неторопливо распахиваться. Гезнур первым въехал в образовавшийся проем и с интересом наблюдал за работой магов. Те, разведя створки достаточно широко, умолкли и расступились, открывая дорогу королевскому конвою.

Гезнур спрыгнул на снег. Тут же рядом с ним оказался безымянный оруженосец. Лопсиль, так и не успевший выздороветь, кряхтя сполз с седла. Гезнур запретил чародею жаловаться на недуги, поскольку Лопсиль ныл всю дорогу, что, дескать, не получил обещанной недели отдыха. В конце концов король пригрозил, что найдет другого придворного мага – такого, который хотя бы себя сумеет сохранить в добром здравии. Гезнур знал, что несправедлив к верному колдуну, который, забыв о собственных недугах, использовал целительную магию для того, чтоб поддержать силы господина, но по опыту знал: при малейшей поблажке чародей разноеется и станет злоупотреблять господской жалостью. Так что теперь Лопсиль помалкивал, но всячески старался

дать понять его величеству, как ему, бедняге, тяжело и больно.

– Приветствую, маршал! – весело выкрикнул король. – Я смотрю, ваши подопечные не тратят времени даром? Осваивают искусство войны?

В дальнем углу двора установили мишени и чародеи упражнялись с луками. Пока что у них не очень-то получалось, но маршал был непреклонен и требовал, чтобы магики овладели новым для них мастерством.

– Да, ваше величество, – прохрипел некромант. – Зачарованные стрелы неплохо послужили нам в последней битве с императором, так что я решил обучить своих магиков.

– Если так, я мог бы просто прислать хороших стрелков для вашего войска? – предложил король. – А магам осталось бы только подготовить стрелы с заклинаниями.

– Нет, король. Мы лучше сами.

– Не доверяете?

– Понимайте, как хотите.

– Что ж, как угодно. Я-то думал прислать вам в помощь чародеев, если вы не доверяете моим солдатам. Мы бы кинули клич, призвали желающих...

– Я не доверяю никому. Разве среди добровольцев не окажется ваших шпионов?

– Шпионят за врагами, а мы, вроде, союзники?

– У Могнака нет союзников, – отрезал маршал. – Собрат по Черному кругу, с которым мы вместе около тридцати лет,

теперь заявил, что не желает со мной говорить и считает, что я покинул и предал Забытый город. Я с вами до тех пор, пока император силен. Пока император сильнее остальных владык Мира, я поддержу врагов императора. Если сильнее-шим станет король Гевы, я сделаю все, чтобы сокрушить вашу страну.

– По-моему, вы высказались слишком откровенно, – рас-смеялся Гезнур, – не пристало мистику Черного Круга гово-рять столь честно.

– Можете считать, что я вас обманул, король, – пожал ши-роченными плечами некромант. – Что я на самом деле вер-нейший из ваших друзей, что отдам жизнь за величие гев-ской короны. Что от этого изменится? Обман – не самоцель. Цель – это польза, которую обман может принести.

– Согласен, – кивнул Гезнур. – Но беспокоиться не о чем, император могуществен по-прежнему. Он собирает новое войско. Братство Белого Круга, так оно будет именоваться. Вас не задевает такое название? По-моему, слишком похоже на «братство Черного Круга». Что скажете?

– Скажу, что, если узнаю, кому пришло в голову это на-звание – оную голову откручу. Медленно. Вы довольны?

– Конечно. Ибо идея принадлежит нашему архиеписко-пу. Что касается откручивания... что ж, я позволю себе дать единственный совет: лучше начните не с головы.

Поскольку время было обеденное, некромант предложил поговорить за столом.

– Надеюсь, ваше величество не заподозрит меня в желании отравить? – маршал даже почти улыбнулся. Подобный вопрос был для него остроумной шуткой, блестящей демонстрацией могнакского чувства юмора.

Гезнур ответил широкой ухмылкой:

– Оставим церемонии! Если бы я боялся, то не приехал бы. Здесь я в вашей власти, хоть отравленный, хоть в добром здравии. Ведите к столу.

Маршал коротко кивнул, развернулся и зашагал к входу в палас. Король поспешил следом, за ним – палач-цирюльник. Позади семенил, прихрамывая, Лопсиль. Колченогому колдуну было тяжело попевать за размашисто идущим провожатым, он сопел и хлюпал носом – торопился изо всех сил. Он куда лучше спутников чувствовал зловещую ауру замка Вейтрель и ни за что не хотел бы отстать от господина. Лопсилью казалось: здесь его подстерегают неисчислимые опасности... и он был, разумеется, прав.

Обед некроманта оказался простым и обильным. Жареный поросенок, вареные овощи, свежий хлеб – такую трапезу могли бы предложить в доме купца средней руки, разница была в количестве. Маршал оказался очень прожорливым

едоком и поглощал снедь огромными порциями. Вид у него при этом был мрачный и сосредоточенный. Колдун набивал брюха молча, глядел перед собой, лишь изредка бросая острые взгляды на короля и спутников последнего. Худосочный Гезнур ел мало и аккуратно, палач, храня задумчивый вид, отправлял в рот куски будто механически, но успевал опустошить поставленные перед ним блюда под стать здоровяку маршалу. Один Лопсиль почти не ел, вертелся, гримасничал и все время как бы невзначай норовил провести ладонью над блюдами – следил, не изменят ли перстни цвет.

Утолив голод, некромант осведомился, что привело высокого гостя в Вейтрель.

– Я хочу лично убедиться, что вы, драгоценный союзник, не испытываете нужды ни в чем. Вижу, с провиантом у вас нет проблем. Надеюсь, и в прочих...

– Напротив, я испытываю нужду, – отрезал маг, поднимая голову. По блестящей лысине забегали отсветы огней масляных ламп, – мне нужен янтарь, мне требуются помощники. Но ваших людей я не приму, не трудитесь предлагать.

– Хм... да, снова это недоверие! Но как-то вы пополняли ряды соратников, когда жили в Могнаке?

– Наши лазутчики приводили детей, мальчиков. Наши магии сызмальства обучены в правильном духе, а шпионов среди них нет, поскольку в Забытый город они попадали несмышленишками.

– М-да. Хотите воспользоваться моими связями? Я хочу

сказать, ваши шпионы смогут отправиться на запад, в империю, чтобы подобрать учеников в соответствии с могнакским обычаем? Мои люди обеспечат им прикрытие?

– Я подумаю над этим, – буркнул чародей. – Но вы ведь приехали ко мне вовсе не за тем, чтобы сделать это великодушное предложение?

– Нет. Разумеется, нет. Я хотел обсудить с вами предстоящую кампанию. Летом война возобновится, и есть вопросы, которые меня тревожат. Этот Белый Круг, к примеру. Сдается мне, в грядущей войне примут участие высшие силы.

* * *

Около четырех часов пополудни король Гезнур стал собираться. Они с некромантом обсудили множество вопросов, но редко где пришли к согласию. Гевец был сердечен и благожелателен, маршал Черного Круга – замкнут и недоверчив. Подозрительность чародея превосходила всякие мыслимые пределы, так что под конец Гезнур не скрывал ухмылки, настроение мага его забавляло.

Единственной темой, по-настоящему заинтересовавшей маршала, оказался Белый Круг. Почему-то в названии создаваемого Церковью братства колдун уловил оскорбление, направленное против него. К тому же чародей согласился с Гезнуром относительно неестественной природы влияния, которое оказала речь Когера на имперских воинов. Именно

это имел в виду гевец, упомянув «высшие силы», которые примут участие в будущей войне. Загадочная сила, присущая словам невзрачного проповедника, беспокоила обоих, тем более что происхождение этой силы оставалось загадкой. К тому же шпионы, высланные стариком Гюголаном на север, чтобы выследить Когера, исчезли без следа, это происшествие тоже беспокоило Гезнура. Он пытался выпросить некроманта, не применял ли проповедник на поле боя новых магических заклинаний, но маршал не дал внятного ответа, гевец понял таким образом, что маг не знает.

В конце концов Гезнур пообещал снова выслать шпионов с приказом: подобраться к Когеру и постараться выяснить побольше об этом вдохновенном муже, маршал тут же попросил сообщить ему все, что станет известно... Оба понимали, что надежней было бы уничтожить проповедника, и оба понимали, что это, скорей всего, окажется невозможно. Но вслух об убийстве говорить не стали – дело-то само собою разумеющееся! На том и распрощались.

Колдун Лопсиль сильно нервничал, и только когда отъехали от Вейтреля на расстояние в три полета стрелы, несколько приободрился. Шумно высморкался в снег, чихнул и завил, что, слава Гилфингу, и на этот раз встреча с некромантами прошла без ущерба для него, Лопсиля.

– Ты сделал? – коротко осведомился Гезнур.

– Да, мой господин. Амулет в трапезной, я затолкал его в щель между досок пола и притоптал как следует. Особых

ухищрений я не использовал, чтобы не привлекать внимания.

– Это точно, я даже не заметил, когда ты припрятал свою цацку. Ты так талантливо изображал испуг... – Гезнур от души рассмеялся.

– Изображал? Да меня пробрало до печенок! Ежеминутно ждал, что черные бестии набросятся на нас!

– Но ты все же справился, – снова похвалил верного чародея король. – Твой амулет надежно спрятан в Вейтреле, и мы сможем слушать, о чем наши добрые друзья болтают в трапезной.

– Если колдуны не обнаружат посторонний амулет под ногами.

– Не будь таким кислым, Лопсиль! В Вейтреле столько магии, что толику посторонней волшбы наши добрые друзья не учуют.

– Надеюсь, что так, ваше величество. Мой амулет настроен таким образом, что будет подпитываться маной из любого источника, а поскольку в замке некромантов магия на каждом шагу, можно надеяться, что она не иссякнет и в этой цацке. Желаете послушать?

– Давай!

Конвой придержал коней, Лопсииль стащил с пальца массивный перстень и протянул господину. Гезнур прижал перстень к уху и прислушался. Улыбка короля стала шире.

– Маршал до сих пор сидит в трапезной и бранит негодя-

ев из Белого Круга, которые посмели издеваться над именем братства могнакских чародеев. Ха-ха! Я сразу раскусил этого простака, но он, пожалуй, еще больший болван, чем я подозревал вначале. Как нам повезло, что некромант настолько глуп!

Глава 10

Альда

Филька не обманул, после его отъезда прошло три дня – и зима началась. Наутро, выглянув в окно, Ингви обнаружил, что столица засыпана белым, невероятно чистым, снежком. Вовсю светило солнце, а небо было по-зимнему высоким и прозрачным.

А на следующий день король засобирался в Давнюю Чашобу «глядеть эльфеныша». У спешки были свои причины – из Долины Вампиров возвратился Мертенк. Узнав о политических маневрах короля, в результате которых казна потеряла доход от реализации орочьего железа, канцлер едва не взбунтовался. Мертенк обрушился на демона с упреками, был настойчив и энергичен, так что Ингви очень скоро прискучило выслушивать возмущенные жалобы, и он объявил:

– Сэр Мертенк, что сделано, то сделано. Просто продолжайте исполнять обязанности, исходя из новых обстоятельств.

– Но будущий доход был расписан до гроша – на что сколько тратить!.. – простонал Мертенк. – У меня все было уже распределено! Все сходилось! До последнего гроша! Ваше величество, ваше величество!

– Ну так возьмите деньги из других фондов, разве у нас отрицательный баланс?

– Увы, ваше величество, он будет отрицательным к середине весны.

– Сейчас-то всего лишь начало зимы!

– Но следует думать наперед! Планировать и рассчитывать!

Тут в разговор встряла Ннаонна:

– Не понимаю, о чем вы спорите. Мир вот-вот содрогнется и это... в общем, рухнет в пучину бедствий, – вампиресса припомнила звучную фразу из старого романа о временах Фаларика Великого. – В пучине положительный баланс не нужен.

– Пусть Мир рухнет в пучину бедствий, но я буду исполнять свой долг! – торжественно провозгласил сэр Мертенк.

Однако жалоб канцлер не прервал – и так допек Ингви, что тот весьма энергично засобирался в Креллионт.

В воротах встретился энмарский обоз, купцы придержали повозки, пропуская конный конвой его величества. Короля приветствовали веселыми возгласами, кое-кто из энмарцев даже махнул шапкой, сдернув с головы. Повозки энмарцев, поставленные на полозья, шли неспешно, оставляя глубокие колеи в свежем снегу, который еще не успели утоптать. Тяжелые повозки, груженные орочьим железом. Негоцианты уже предвкушали, как с весной, едва закончатся шторма, повезут товар по городам западного побережья. Удачная сделка, как ни крути – удачная! Втихомолку они, разумеется, посмеивались над королем-демоном, который продешевил, отдавая

им партию товара за бесценок. И еще – купцы были весьма довольны собой. Ведь что вышло? А вот что: они надавили на короля-демона, как следует, он и сдался. С таким партнером можно иметь дело!

Ингви, разумеется, в ответ на приветствия выдавил улыбку и даже вяло махнул рукой. Но, едва отъехали от города, стал серьезен. Ннаонна пыталась завязать разговор, но Ингви отвечал односложно и отводил взгляд, как будто его неожиданно заинтересовали однообразные белые окрестности.

– Тебе надо все обдумать? – ехидно осведомилась вампиресса. – Что-то ты такой серьезный, а? Или Мертенк все же тебя достал?

– И Мертенк тоже. Он же, в общем-то, прав. Королевство – не отряд наемников, здесь ситуацию не поправишь одним удачным дельцем... Разве что дельце подвернется истинно королевское.

– А разве нашей гонзорской добычи недостаточно?

– Достаточно, чтобы перезимовать. Канцлер верно говорит – к середине весны у нас выйдут деньги, энмарцы за новой партией металла не приедут, не успеют этот груз распродать, – Ингви мотнул головой, имея в виду оставшийся позади купеческий обоз, – да и перевалы, скорей всего, откроются позже, чем обычно. Поздняя зима чревата затянувшейся весной. Так что новых поступлений в казну не предвидится. А расходов, как всегда, будет более чем достаточно.

– По-моему, – заметила девушка, – тебе нужно новое развлечение. Мертенк справится здесь, я в него верю. А нам бы махнуть куда подальше, а?

– Подальше?..

– Подальше. Поглядим, как Мир сотрясается. Но сперва – обвенчаемся. Чтобы все, как у людей. Понял?

Ингви кивнул. Он понял. У вампирессы с демоном все должно быть, как у людей! Чего же здесь непонятного...

* * *

Зимние дни коротки. Так что, когда начало смеркаться, до Креллионта было еще порядочно. Едва солнце опустилось к верхушкам сосен, воздух из золотистого сразу стал синим, похолодало.

Никлис предложил остановиться на ночлег, тем более, есть местечко подходящее. Ингви пожал плечами – он не помнил здесь на дороге никаких местечек, но вскоре впереди в самом деле показался дымок. Значит, там жилье. Никлис ухмылялся в бороду и был весьма доволен собой. Ингви отвлекся от раздумий, которые навевала монотонная дорожная тряска, и с удивлением поглядел на спутника. Бывший во-ришка подмигнул, явно на что-то намекая. Загадка разрешилась, когда приблизились к группе приземистых строений, сгруппировавшихся вокруг двухэтажного здания и окруженных частоколом. Постоялый двор. Когда кавалькада подъе-

хала к воротам, навстречу вышел бородатый мужчина, хозяин или управляющий. Лицо его показалось демону знакомым. Вглядевшись, Ингви вспомнил мокрогорца, с которым Никлис сговаривался осенью. Значит, хитрецу удалось все же столкнуться с фермером.

– Твое хозяйство? – поинтересовался Ингви. – Ты, значит, заманил нас на постой в собственные владения?

Никлис отпираться не стал.

– А что, – кивнул он, – так и есть. И вы в тепле переночуете, и мне прибытку толика. Изволь-ка, твое демонское, заплатить с истинно королевской щедростью, не подводи.

– Нахал. Заплачу, разумеется, в накладе не оставлю. Но учти, если мне ночлег не понравится, пожалеешь, что вообще связался с гостиничным бизнесом.

Никлис, разумеется, понял не все, но суть уловил верно. Он тут же заорал:

– Эй, хозяин, слышь-ка, повезло тебе нынче! Величайший король к тебе пожаловал! Если не угодишь – наутро башку тебе долой! Если угодишь, богату, слышь-ка, тебе быть! Готовь-ка наилучшие комнаты, давай жратву волоки посытней!

Гости прошли в большую залу, где дочери хозяина уже накрывали стол. Выскочили какие-то мальчишки, приняли поводья, повели лошадей в конюшню. Все суетились, бегали, орали друг на друга. Новички, отметил Ингви. Обычно прислуга на постоянных дворах умеет держаться невозмутимо и равнодушно, кого бы ни принесла нелегкая. Ничего, и эти

научатся. Король огляделся: все вокруг было ярким, чистым, свежеструганным, пахло смолой и сырой древесиной. Когда Ингви сел за стол, Ннаонна плюхнулась рядом и объявила:

– Никлис! Эй, Никлис! А Мир скоро рухнет!

– Это не моя печаль, – отозвался начальник стражи, – мы люди маленькие.

– Нет, – не сдавалась вампиресса, – ты послушай. Вот ты старался, сговаривался, деньги доставал, верно? А ведь вся твоя суета ни к чему, Мир ка-ак рухнет! Ка-ак все бахнет! Ка-ак хряснет!

Дочки мокрогорца остановились послушать – тоже видно, что еще не обтесались, все им в диковинку, каждое слово, каждый необычный проездий.

– Вот все развалится, всюду огонь, руины, – гнула свое вампиресса. – И посреди – вот этот самый постоянный двор...

Ннаонна покосилась на перепуганных дочек хозяина и злорадно добавила:

– ...И тоже горит!

Девушка помладше тихо охнула, старшая в избытке чувств прижала ладони к щекам.

– Польшает! На кусочки разваливается! – уточнила вампиресса. – Так вот тогда ты себя и спросишь, к чему были хлопоты? Смог бы вместо того, чтоб суетиться, на перине лежать, брюхо чесать. И деньги тоже – их бы мог спокойно пропить.

Никлис прикрикнул на прислужниц:

– А вы чего слушаете господские разговоры?! Ну-ка, брысь на кухню! Видите, барышня шутить изволит! А тебе, твоя вампирская светлость, я так скажу: пусть весь Мир развалится, и пеплом рассыплется, а мой постоянный двор будет крепко стоять. Эти миротрясения – они же чего? Они как ураган над лесом. Вверх глянул – ого-го, верхушки качаются, ветер их так и этак гнет... а внизу тихо. Мы люди маленькие, у нас тихо. Вон, император тебе, твое демонское, толковал: не понимаете вы меня, империя важней всего. А нам плевать на ту империю и на твою бурю, твоя вампирская светлость, плевать нам равно же. Это у королей и всяких графов будет буря, а у меня – постоянный двор на бойком месте. Приезжайте к нам снова, господа любезные.

* * *

После ужина постояльцы поднялись на второй этаж. Планировал расположение комнат наверняка Никлис – этот постоянный двор был организован точно так же, как большинство аналогичных заведений Империи, спальни – на вором этаже. И там все оказалось свеженьким, пахучим. Набитые соломой тюфяки не были продавленными, половицы не скрипели.

– Эх, хорошо! – заявил Никлис. – Пока загадить не успели. Пусть, ваши светлости и величества, Мир хоть трясется, хоть в тартарары валится, а здесь хорошо! Ну, спокойного

вашим знатностям сна...

Спокойного сна не вышло, приехали купцы, те самые энмарцы, которых обогнали в воротах Альды. Их обоз отстал от королевского конвоя часа на три, так что, объявившись на постоялом дворе, гости разбудили прежних постояльцев, да еще не меньше двух часов шумели в трапезной. Особо громкой гульбы они не устраивали, но смеялись и орали так, что и на втором этаже было слышать. Ннаонна сонно пробурчала, что вот – Мир уже начал сотрясаться... потом накрыла голову подушкой и все-таки уснула. А Ингви не спалось, он даже слышал, как Никлис, ворча, спустился к энмарцам. Раз уж все равно спать не дают, так хоть выпить с ними...

Поднялись гуляки спозаранку. Ингви с Ннаонной только потягивались и зевали, не решаясь вылезти из-под теплых одеял, а купцы уже снова вовсю шумели. Теперь они орали не в трапезной, а во дворе – требовали запрягать. Им ждуть недосуг! Спешить надо, неровен час на перевалах снегопады пройдут, тогда через горы не проедешь.

Наконец, когда торгошники убралась, и свита его величества собралась в трапезной. И то сказать – торопиться было некуда, до Креллионта отсюда рукой подать, так что позавтракали без спешки. Никлис пояснил, что купцы отоспятя в пути, им все едино, где дрыхнуть. Так что поздно легли, спозаранку поднялись, а все равно проспят в итоге куда больше, чем он, верный, слышь-ка, слуга короны, которому, иногда и голову преклонить некогда за государственными-то забо-

тами...

Наконец сборы были окончены, Ингви расплатился с мокрогорцем, и отправились в путь. Никлис задержался, пообещав вскоре догнать конвой. Ингви понял так, что бравому начальнику стражи хотелось получить с компаньона долю дохода. Догнал Никлис кавалькаду часом позже, а еще часа через три путники свернули с тракта в лес. Эльфы обосновались в чаще, таков был их теперешний обычай. Давно миновали времена, когда Первый народ обитал в каменных палатах. Белых Башен в Мире больше не осталось.

По лесу ехать пришлось недолго, не больше часа, к стану эльфов вела довольно широкая хорошо утоптанная дорога, так что и здесь не задержались. И вот за деревьями показался поселок Первого народа, Креллионт. Идеально круглую поляну окружали аккуратные домики странной формы. Второй этаж поселения образовывали шарообразные сооружения, подвешенные к ветвям огромных деревьев. Не приходилось сомневаться, что необычайно высокие стволы по краям поляны, да и сама поляна – результат работы вассалов Филлиноэртли, эльфы обосновались здесь в соответствии с их обычаем и выстроили поселок согласно канону.

В центре поляны возвышалось сооружение из снега – очаровательный замок с башенками, арками и шпилями. В замке и вокруг него носились эльфы – визжали, смеялись. Играли в снежки. Первый народ умел любой день превратить в праздник...

Ингви подумал: будущее потрясение Мира, которое заботит короля-демона, эльфов ничуть не волнует. Точно так же, как Мертенка, Никлиса... да и прочих подданных. Если вдуматься, оно вообще никого не волнует. Быть может, потому что сейчас зима? Зимой никто не воюет, зимой не путешествуют, зимой ждут весну. Милосердная Мать Гунгилла посылает холода и непогоду непутевым детям, чтобы они хоть немного могли отдохнуть.

Глава 11

Ванетиния

Алекиан оглядел собственное отражение в эльфийском зеркале. Отступил на шаг и снова замер. Его долговязая фигура не умещалась в раме, приходилось отступать и пригибаться... Во время болезни император исхудал, роскошный наряд висел мешком и собирался складками у пояса. Не впечатляющее зрелище. До слуха императора донесся легкий шорох.

– Коклос, покажись! – потребовал Алекиан.

Тишина.

– Покажись, я знаю, что ты за зеркалом.

– Ладно, – голос карлика звучал приглушенно. Раздался скрежет, зеркало тяжело развернулось вместе с массивной позолоченной рамой, раскрылся темный проем. Карлик выбрался сквозь узкую щель и, пыхтя, навалился на раму, возвращая зеркало в прежнее положение. – А как ты догадался?

– Сквозняк. В щель немного дует, зимой это заметнее.

– Ага. Все дело в том, что ты сегодня очень долго вертелся перед зеркалом. Потому хватило времени заметить сквозняк. Хотя твоя женушка, братец, торчит у зеркала в сто раз дольше, но не понимает, откуда дует ветер.

– Я вырос в этом дворце, – Алекиан вымученно улыбнулся, – когда я был такого же роста, как ты, я тоже умел нахо-

дить кое-какие секреты Валлахала. Теперь это в прошлом... Увы, прошлое нельзя вернуть.

– Но можно передать ему привет. Я – твое прошлое, Алекиан. Я помню тебя другим, добрым, человечным... Санелана тоже. Ты видишь, что она старается с тобой пореже встречаться?

– У нее много дел во дворце. Приходится присматривать... То там, то сям...

– Она ищет тебя прошлого – то там, то сям. Но не здесь.

– Прошлого не вернуть, – повторил император. – Когда держава в опасности, монарх не может позволить себе быть человечным.

– Ты ошибаешься. Вспомни, как мы жили в Гонзоре, вспомни!

– Нет, Коклос. Забудь, прошлого не вернуть. Мое гонзорское правление закончилось поражением под Арником. Теперь я не могу позволить себе поражения, слишком многое от меня зависит, за слишком многое я теперь в ответе.

– Алекиан, опомнись! Ты в ответе прежде всего за собственную душу, прочее – потом!

– Нет, Коклос, ты говоришь так, будто я обычный человек, но я – император.

– А разве император не может остаться человеком?

– У меня не получилось.

В дверь осторожно постучали.

– Ваше императорское величество...

– Вот и все, Коклос, свидание с прошлым окончено, – прошептал Алекиан, – если не хочешь, чтобы тебя видели, можешь спрятаться.

Потом громко объявил:

– Входите, мастер Изумруд!

Коклос нырнул под кровать. Дверь распахнулась, вошел придворный маг, Гиптис Изумруд, унылый, сутулый. Поперек высокого лба шел свежий шрам, полученный в сражении с гевским войском. От взгляда чародея не укрылось, что золотая бахрома, которой оторочено покрывало, качается. Но Гиптис предпочел сделать вид, будто не заметил этого движения.

– Ваше императорское величество, у меня все готово.

– Вы уверены, что этот амулет будет действовать именно так, как требуется?

– Да. Уверен настолько, насколько вообще можно верить магии.

– Что же, идемте. Проведаем нашего дорогого гостя. Да, по дороге мы хотели бы отдать кое-какие распоряжения. В нашей опочивальне сквозняки, и мы тревожимся за здоровье ее императорского величества. Пусть пришлют плотников, каменщиков... кто там еще требуется? Если надавить на раму вот этого зеркала, она начинает шататься, за зеркалом какие-то пустоты... из них тянет холодом. Мы желаем, чтобы все заделали, но аккуратно.

– Какой-то тайный ход, ваше императорское величество?

Велите обследовать? Вызвать, куда он ведет?

– Тайный ход? Возможно, возможно... этаким привет из прошлого. Нет, соваться туда не надо. Мы не желаем возвращаться к прошлому, пусть покоится с миром.

Золотая бахрома на покрывале снова качнулась.

* * *

Отдав распоряжения относительно щелей и сквозняков первому подвернувшемуся слуге, Алекиан двинулся на первый этаж. Изумруд шагал следом и помалкивал. Коридоры Валлахала были пустынные, редкие встречные приветствовали императора поклонами, гвардейцы брякали оружием о пол. Им было холодно, нынешней зимой многие помещения дворца пустовали, а потому камины в них так и не затопили. Император двигался кружным путем, чтобы не выходить во двор.

Алекиан пересек центральную часть первого этажа, возведенного старыми ванетскими королями на фундаменте Белой башни и перестроенной при Элевзиле Втором, и углубился в еще более древние коридоры. При эльфах здесь были служебные помещения, и именно эти, довольно скромно устроенные, сооружения сохранились, тогда как роскошные дворцы были разрушены при штурме, когда дружина Фаларика Великого взяла приступом резиденцию эльфийских королей. Под этой частью Валлахала сохранились обшир-

ные подземелья, которые, как утверждает предание, устроили гномы по заказу владык Первого народа. Кто бы ни построил, но подземные галереи смотрелись весьма внушительно, были высоки – не под гномий рост – и отлично сохранились, несмотря на века, пролетевшие над ними и полностью сменившие облик надземных сооружений.

Пол был ровным, с едва заметным уклоном, в стенах через равные промежутки вмурованы металлические крюки для факелов и ламп. Все – гладкое, искусно отесанное. Нигде ни малейшего следа ржавчины и гнили, нет трещин и щелей, где могла бы копиться сырость. Мастерство древних каменщиков в самом деле заставляло угадать в них сынов Второго народа.

На нижнем уровне было достаточно тепло, чтобы стража не мерзла. В обширном зале уютно потрескивали дрова в камине, за многочисленными массивными колоннами, на которых покоился свод, виднелись черные проемы. Отсюда расходились галереи к подземным помещениям Валлахала, здесь начинался вход в обширный подземный лабиринт. У камина на лавках расположились стражники и слуги в кафтанах с ванетскими гербами, десятка два человек. Чтобы ориентироваться на нижних уровнях, требовалась многолетняя подготовка, незнакомый с устройством лабиринта человек легко мог заплутать и потеряться, потому здесь всегда находилось достаточно народу, чтобы исполнить всевозможные поручения, поступающие сверху.

Когда император с придворным магом появились в зале, ветераны подземной службы торопливо вскочили. Алекиан кивнул пожилому толстяку, исполняющему обязанности тюремщика. Тот поклонился, окликнул двоих подручных, дюжих парней в куртках толстой кожи, вооруженных короткими мечами. Молодцы зажгли гномьи масляные лампы, а старик пошел в дальний конец зала. В отличие от большинства входов в лабиринт, этот был заперт массивной дверью.

Толстяк, сопя, склонился над замком, брэнча связкой тяжелых ключей. Пока он возился, Алекиан бросил Изумруду: – Покажите, мастер.

Гиптис извлек из-под просторной зеленой накидки сверток, развернул и продемонстрировал императору небольшой предмет, тускло сверкнул отполированный янтарь.

Тем временем толстяк выбрал нужный ключ, провернул, распахнул дверь. Один из молодцов прошел внутрь, согнувшись в портале, осветил.

Следом прошел толстый слуга, затем – Алекиан и Гиптис. Чародей на ходу прятал сверток. Замыкал шествие второй крепыш с лампой.

Когда процессия скрылась за дверью, двое стражников встали по обе стороны распахнутой двери и замерли, обнажив мечи. Таков был порядок, установленный для нечастых случаев, когда его императорскому величеству бывало благоугодно посетить темницу.

Здесь не горели лампы или факелы, подземелье скудно освещалось магическими светильниками – тусклыми, слабыми, но зато долговечными. Без нужды здесь никто не появлялся, так что и света не требовалось.

Сейчас в валлахальском подвале находился единственный узник, так что идти пришлось недалеко. Говорят, в иные царствования тюрьма была полна, камеры и клетки с заключенными тянулись на сотни шагов, тогда здесь постоянно дежурила стража, был целый штат прислуги. Случались правители империи, находящие своеобразное удовольствие в посещении темницы, они тщательно подбирали узников и заботились об условиях содержания живых игрушек. Всякие развлечения бывали у сильных мира сего...

Император Элевзиль II не был коллекционером, незначительных преступников предпочитал держать в городской тюрьме, подальше от себя. Алекиан после победы над братом и вовсе велел казнить всех, кто оказался уличен в преступлениях против короны. Лишь одному заключенному была сохранена жизнь, к нему и направлялся теперь император.

Перед единственной обитаемой камерой колдовских светильников было больше, хотя Изумруды не позаботились сделать их ярче. Обошлись количеством. Парни, помощники тюремщика, стали по обе стороны стальной решетки, отде-

ляющей камеру от коридора, и подняли лампы повыше, чтобы его императорское величество мог получше разглядеть узника. Тот поднялся навстречу процессии, огромный мужчина в потертой коже. Загремели цепи, навстречу пришельцам прынула волна запахов немытого тела. Кормили короля Метриена неплохо, но мыться ему не позволялось – в основном из-за того, что тюремщики боялись могучего пленника и не решались лишний раз зайти в клетку.

Впрочем, пленный король не жаловался.

Алекиан поморщился и остановился, не дойдя нескольких шагов до решетки.

– Ваше императорское величество! – возопил заключенный. – Ваше императорское величество! Помилуйте!

Гигант шагнул к решетке, цепи с грохотом натянулись, их длина не позволяла пленнику добраться до стальных прутьев.

– Милует лишь Гилфинг, – тихо ответил Алекиан. – Однако мы можем сделать вид, что забыли о ваших преступлениях... если...

Император замолк, а Метриен Сантлакский рванулся к решетке так мощно, что оковы со скрежетом натянулись. Огромные ладони вцепились в прутья решетки.

– Если что, ваше императорское величество? Я раскаиваюсь! Я был готов дать полнейшие показания, выдать сообщников, помочь следствию, чем только возможно! Меня обманом втянули в заговор, соблазнили, сбили с толку. Меня

запугали!

– Запугали? Хм... Метриен, мы не нуждаемся в сотрудничестве со следствием, поймите. Все, кто участвовал в заговоре, казнены. Наш суд был пристрастным, не стану отказываться. Пристрастным, но и справедливым! Таково свойство высшего суда в дольном Мира, таково свойство императорского суда. Выше только суд Пресветлого, и справедливей только он.

– Ваше императорское величество, – подал голос Гиптис Изумруд. – Боюсь, мудрость ваших слов недоступна королю Метриену. Быть может, следует перейти к делу?

– Вероятно. Метриен, вы не задавались вопросом, почему, казнив менее значительных заговорщиков, уничтожив даже семьи главарей заговора, мы сохранили жизнь вам?

– Потому, что я августейшая особа? Короли неприкосновенны...

– Неверный ответ. Этот обычай устарел, и мы бы охотно заставили вас заплатить полную меру за гибель императора Элевзиля, нашего отца. Причина в другом. Едва вы лишитесь головы, Сантлак изберет другого короля. И этот другой немедленно станет нашим врагом. Вы тоже враг, поэтому я предпочитаю держать врага в темнице, а не на троне за тридевять земель. Понимаете?

Метриен опустил голову. Он, разумеется, понимал.

– Однако, – повысил голос император, – мы можем попробовать превратить узника в истинного короля... если...

Узник поднял голову и впился взглядом в лицо собеседника, стараясь отгадать, куда гнет Алекиан.

– Если? Если я перестану быть врагом?

– Вы не перестанете быть нашим врагом, смертельным врагом. Батюшкина кровь по-прежнему вопиет об отмщении, так что оставьте надежды. Мы неверно выразились, не превратить узника в короля. Точней было бы так: вернуть вас, Метриен, на трон, хотя по сути дела вы так и останетесь узником. Вы будете восседать на троне, вкушать яства под расшитым балдахинном, на вас будет корона. В случае нужды вы с мечом окажетесь в седле во главе войска, но останетесь узником, полностью подвластным нашей воле. Что скажете?

– Я согласен, согласен! Все, что велите, лишь бы выбраться из этой клетки!

– Но не надейтесь обмануть нас. Тюремщик, ослабьте цепь, я хочу, чтобы Метриен просунул голову между прутьев.

Толстый старик скрылся в темноте. Вскоре цепи, удерживающие ошейник пленного короля, с грохотом ослабли, а те, что шли к запястьям, напротив, натянулись. Метриен послушно подошел к решетке и выставил голову в коридор. Руки ему пришлось приподнять и отвести назад, иначе цепи не пускали.

– Мастер Гиптис, ошейник! – скомандовал император.

Изумруд щелкнул застежками, запирая на массивной шее узника тонкий стальной ошейник, украшенный тускло от-

свечивающими камнями.

– Теперь можете идти! – велел Алекиан. – Все, кроме мага! Оставьте одну лампу...

Тюремщики скрылись. Когда шаги смолкли в темном коридоре, император обернулся к пленнику, который, отступив в глубину камеры, ощупывал новое украшение.

– Теперь, король Метриен, мы объясним. В Сантлаке начинаются беспорядки. Наверняка за ними стоит мерзавец Ирс, но добраться до него нашим людям не удалось. Посему нынешним летом мы намереваемся отправиться в Сантлак и водворить на престол вас, недостойный король. Вы станете править, полностью подчиняясь нашей воле.

Видя, что Метриен собирается заговорить, Алекиан остановил его жестом.

– Не спешите заверять в нас в собственной преданности. Мы располагаем куда более надежными доказательствами, чем слово предателя. Гиптис!

Маг выкрикнул заклинание, полированные камни на ошейнике засветились, рассыпая искры, Метриен рухнул на пол и принялся кататься по полу, вопя от боли. Во все стороны полетели клочья соломы, которой была устлана клетка.

– Довольно. Итак, Метриен?

Узник затих, сжимая обожженную шею, и тихо подвывал в гряде грязной соломы.

– Если ошейник будет разомкнут, вы умрете в муках. Если в ошейнике иссякнет магия, вы умрете в муках. Если вы

не исполните моего приказа, вы умрете в муках. Весной мы выступим в поход, и вы будете нас сопровождать. До тех пор оставайтесь здесь и размышляйте над будущим.

Когда Алекиан с магом удалились от камеры так, что узник не мог их слышать, Гиптис осторожно заметил:

– Его ожоги весьма болезненны. Я мог бы немного облегчить страдания...

Алекиан, не останавливаясь и не поворачивая головы, бросил:

– Не нужно. До весны раны заживут. А до тех пор пусть он страдает, этот убийца и предатель.

Глава 12

Гева

Наутро в монастырском дворе началась странная для тихой обители суэта – служки выводили лошадей, запрягали. Конники конвоя седлали жеребцов, зевали, брэнчали кольчугами и зябко ежились под белыми накидками. Утро выдалось свежим и морозным, из ноздрей животных вырвались струйки пара, на бородах возниц оседал белесый иней... Монахи, изъявившие желание служить под знаменами Белого Круга, собрались у телег. Им было немного не по себе – вроде, никто не перечил их решению, но многие братья глядели неодобрительно. Здесь, в Геве, не любили императора и всего, что с ним связано. Белый Круг, разумеется, входил в перечень того, что связано.

Викарий Лайсен, зевая, принялся пересчитывать добровольцев, заглядывая в бумагу с именами. Полтора десятка братьев – не много и не мало, обычно столько и находится в здешних, восточных, обителях.

На башенке зазвонил колокол – к заутрене. Братия потянулась к часовне. После – трапеза, затем прощание с будущими героями Белого Круга... да и в путь. Лайсен пристроился за своими подопечными, уже шагавшими к заутрене, тут викария отвлек шум за спиной – караульные распахивали ворота. Перед въездом в монастырский двор топтался

послушник Велитиан. На парнишке был залатанный полушубок, сзади за пояс заткнут топорик, на плече – свернутая веревка. За дровами посылают, значит. Мелькнула мысль – не доносчик ли сей юнец? Не побежит ли в соседний замок, чтобы сообщить вассалам здешнего нечестивого короля об уходе добровольцев? Может, его аббат снарядил с вестью? Лайсен был предупрежден, да и на собственном опыте уже убедился, здесь не любят посланцев архиепископа и всегда стараются чинить препятствия их высокой миссии. Потому Лайсен до последнего не говорил здешнему аббату, когда собирается отправляться в путь, только вчера после вечерней службы сказал: мол, завтра с рассветом. Настоятель тут же решил: не с рассветом, а после заутрени. Негоже покидать монастырь, не помолясь напоследок с братией. Путь недобрым будет, дескать. И вот послушника отсылает – куда? За дровами, или все же с доносом? Парнишка молодой, шустрый, на ногу легкий.

Да нет, вряд ли. Если бы аббат хотел доложить, ночью бы гонца выслал. Или все-таки выслал ночью-то? Разве уследишь...

Наконец караульные вытащили примерзший за ночь засов, и ворота заскрипели, распахиваясь. Монахи приоткрыли одну створку, юноша скользнул наружу, и тут же стражи налегли на ворота, захлопывая. Паренька бы выпустили через калитку, но стражам хотелось размяться, да и проверить заодно, что за ночь ворота не замело. Все равно сейчас для

обою обе створки открывать.

Викарий огляделся – он уже чуть ли не один остался посреди двора, нехорошо. Все равно ведь без него не начнут, ждать станут. Неудобно, если тебя ждут. Лайсен торопливо направился к часовне, чтобы поспеть пристроиться к последним молельщикам, по одному входящим в узкий проем...

Во время заутрени викарий старался изгнать дурные мысли, оставить подозрительность и отдаться молитве. Но нынче что-то не заладилось, суетные догадки непрошеными лезли в голову, не давали сосредоточиться. Лайсен чувствовал, что не сумел очистить душу. Впрочем, для подозрений были серьезные основания – аббат, хотя и не выказывал недовольства открыто, глядел явно неодобрительно, всюду совал нос и о миссии гонзорского викария высказывался двусмысленно. Благодарение Гилфингу, братья не прислушивались к нему, призыв в Белый круг приняли со рвением, как и надлежит. Им-то скучно, небось, в монастыре. Не секрет, что многие разочаровываются в монастырской жизни после года-двух. Сперва-то кажется, благое дело – после мирского да греховного... Здесь, в Геве, народ воинственный, постоянно кто-то с кем-то дерется. Мир здесь жесток, грешат часто. Случается, находит минутный порыв – и грешник удаляется в обитель замаливать преступления. Но и монастырская жизнь легко может прискучить тому, кто привык к буйству. Многие местные братья имеют боевой опыт, им только предложи снова оружие взять – да еще при этом остаться угод-

ными Гилфингу монахами. Многие согласились, а ежели бы не настоятель – и того больше нашлось бы.

После заутрени в трапезной аббат высказался, что, дескать, отпускает братьев не с легким сердцем, но в сомнениях. И, добавил, монастырь всегда с распростертыми объятиями примет того, кто передумает и решит возвратиться. Тут уж Лайсен не сплоховал – взял слово и сказал речь. Говорил коротко, внушительно. Напомнил, что уходящие остаются такими же монахами, как и те, кто остается. Они станут вести прежнюю жизнь, да только тружиться станут на ратном поле, а не в огороде. Гилфинг-воин одобрит. Ну и все прочее выдал, что должен был сказать. Его добровольцы враз приободрились, и после недолгой трапезы с усердием стали облачаться в путь, снова вышли во двор. Настоятель обменялся с викарием братским лобзанием (царапнул вскользь небритой щекой) и напоследок осенил святым кругом уходящих... будто кулаком погрозил. Ну, с Гилфингом... Заскрипели, отворяясь, ворота.

* * *

Конвой двигался на запад по утоптанной дороге. Лайсен оглядывал унылые окрестности. Что за тоскливые края, помилуй Гилфинг! Справа и слева от дороги тянулись низкие пологие холмы, на верхушках торчали корявые силуэты, тощие и черные – чахлые деревья, которым не подняться под

ветрами на местной скудной почве. Между холмов занесенные снегом поля, вдали – темный лед на прудах и озерцах, гладкие пятна в белом пуху сугробов. Тонкими полосками дыма отмечено жильё, строений не видать за холмами. Дорога уходит к горизонту, петляет среди поросших деревцами холмов и невидимых под снежным покрывалом болот. Унылая страна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.